

Читайте:

4 Геннадий МАЙОРОВ: Как рождаются салюты	16-19 У нас в гостях поэты из Дагестана: К. ДАДАЕВ, А. ХИДИР-БЕКОВА, Д. КЕРИМОВА, М. МУСАЕВ, Л. ГАСАНОВА, А. МУТАЛИЕВ
8 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА: Впечатления моей жизни	20-21 Победители конкурса «Добром за добро!» в номинации «Проза»: М. ВАХНЕНКО, С. ГОРОДЖАНОВА
12 Наталия ЕЛИЗАРОВА: «В этом месте моя душа...»	22-26 Призёры конкурса «Добром за добро!»: И. БОРОДИН, Б. ЛИМАРЕНКО, Т. КЕРИМОВ, Г. ГРЕШНЕВ
14 Николай ПЕРОВСКИЙ: «Липы вековечные шумят...»	27-29 Призёры в номинации «Память о Великой Отечественной войне»: Е. ТУЛЕНКОВА, О. РОКОТЯНСКАЯ

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

У любого человека, кроме родителей, должны быть родная история, родная земля, родной язык, родная культура. Но самым главным из этих корней является именно родная история.

Почему же сегодня так важно знать и изучать историю? Да потому, что, не зная прошлого, невозможно осмыслить и понять настоящее, заглянуть в будущее. Только через историю можно постичь духовный мир предков, понять его язык и культуру. История является ориентиром жизни в будущем.

Только через историю можно постичь духовный мир предков, понять его язык и культуру.

Изучая историю, политики понимают, к чему может привести их деятельность. Для бизнесменов и экономистов важны нововведения для предотвращения ошибок в настоящем и будущем. Люди искусства черпают вдохновение в легендах и рассказах прошлых времён.

История российского государства насчитывает более 12 веков. На протяжении многих лет происходили события, ставшие переломными в масштабе огромной страны. Важных дат в истории России много. Напомним лишь некоторые.

862 год – Начало княжения Рюрика. 988 – Крещение Руси. 1147 – Первое упоминание о Москве. 1237–1480 – Монголо-татарское иго. 1240 – Невская битва. 1380 – Куликовская битва. 1547 – Венчание Ивана Грозного на царство. 1589 – Учреждение патриаршества в России. 1598–1613 – Смутное время. 654 – Переяславская Рада. 1682–1725 – Правление Петра I. 1700–1721 – Северная война. 1703 – Основание Санкт-Петербурга. 1709 – Полтавская битва. 1755 – Основание Московского университета. 1762–1796 – Царствование Екатерины II. 1812–1813 – Отечественная война. 1812 – Бородинское сражение. 1825 – Восстание декабристов. 1861 – Отмена крепостного права. 1905–1907 – Первая русская революция. 1914 – Вступление России в первую мировую войну. 1917 – Февральская революция. Свержение самодержавия. 1917 – Октябрьская революция. 1918–1920 – Гражданская война в России. 1922 – Образование СССР. 1941–1945 – Великая Отечественная война. 1957 – Запуск первого искусственного спутника Земли. 1961 – Полёт Ю.А. Гагарина в космос. 1986 – Авария на Чернобыльской АЭС. 1991 – Распад СССР..

№41' сентябрь 2023

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталия Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.09.2023 г. Выход в свет: с 01.09.2023 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №41-НО+Цена свободная

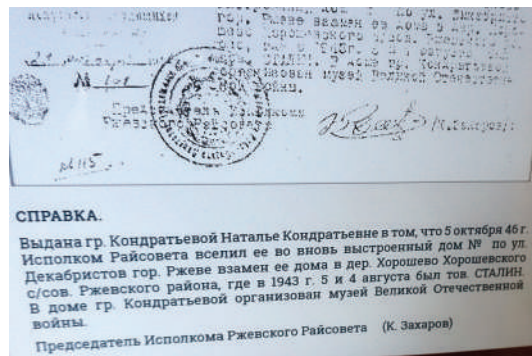
Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать присылаемые материалы без объяснения причин

12+

КАК РОЖДАЮТСЯ САЛЮТЫ

Из истории нам известно, что приказ о салютах в честь освобождения Орла и Белгорода Сталин дал, находясь в деревне Хорошево Ржевского района. Побывав там недавно, я заинтересовался деталями единственного посещения фронта Верховным главнокомандующим. Сегодня с помощью экскурсовода музея «Ставка Сталина» Натальи (на фото) и некоторых документов раскрылись подробности этой истории.

В начале августа 1943 года одного из руководителей НКВД, комиссара безопасности СССР 2-го ранга И.А. Серова вызвали в Кремль к Хозяину. Тот с ходу огорошил:

– Я собираюсь лично убедиться, что происходит на Западном у генерала Соколовского и Калининском (у Ерёмченко) фронтах. Немедленно поезжайте в Гжатск и подготовьте место для ночлега. И главное – об этом никто не должен знать, даже начальник моей охраны генерал Власик.

Серов немедленно выехал в недавно освобождённый от фашистов город. Кругом валяются неразорвавшиеся снаряды и мины. А времени, чтобы навести порядок очень мало. Тем не менее утром встретил Сталина на станции и проводил в подготовленный домик. Тот заметил, что вместе с ним в прицепном вагоне прибыло семь десятков охранников под видом железнодорожников. Рассердившись, приказал немедленно их убрать. И остался Серов с тремя своими сотрудниками. Было от чего запаниковать. Как такими силами охранять вождя. А вдруг бомбёжка или того хуже – диверсанты. Переговорив по ВЧ с Соколовским, Сталин решил ехать к нему в штаб фронта, который располагался в Юхнове. Нашли подходящий домик, а там нет ничего. Штаб фронта, продвинувшийся вперёд, всю мебель и кровати вывез с собой. Девушкам Серов приказал вымыть полы, а сам поехал навстречу, полагая, что они будут не ранее как через час. Выехал из лесу на дорогу, чтобы не пропустить их, а сам стал бриться из лужи.

Из воспоминаний Серова: «Только умылся, смотрю – идёт «паккард», а грузовика с вещами нет. Выхожу на дорогу, подымаю руку и команду: «Стойте!»

Вышел Сталин, я ему начал рассказывать, что военные все вывезли с собой. Только соломенный матрас и подушку сумел подготовить. Он посмотрел на меня и говорит: «А что

я, князь, что ли, мне не дворец нужен». Благополучно добрались. Показал т. Сталину, где он будет спать. Он увидел ВЧ и сразу же стал звонить Соколовскому, чтобы приехал и доложил обстановку на фронте. Потом мне сказал, чтобы в соседней комнате поставил бутылку вина и фруктов. У нас это было с собой, а продуктовая автомашина ещё не пришла. Я сделал, что было сказано, и вышел в лес.

Вскоре подъехали Соколовский и Булганин. Я подошёл к Булганину и спрашиваю: «У тебя, Николай Александрович, продукты есть? А то нечем кормить Сталина, наша машина заблудилась». Оказалось, что он только что получил продукты из Москвы. Я тут же забрал их у него и отдал изготовить из них обед.

Поздно вечером неожиданно Сталин приказал: «Завтра мы должны быть на Калининском фронте у Ерёмченко. Остановимся в районе Ржева. Мы утром выедем туда поездом, а вы самолётом. Организуйте это. Когда полетите?» Серов отвечает: утром. Условились по карте, где я буду его встречать.

Утром проводил Сталина до вагона и сразу же на У-2 вылетел. Через 40 минут уже был на месте. Около Ржева имеется маленькая деревня Хорошево, домов 20, и, к удивлению, не сильно разрушенная немцами.

Приехал в деревню, и мне понравился один небольшой домик с крыльцом и дворик сравнительно чистый, закрытый разросшимися кустарниками. Однако хозяйка воспротивилась пускать на постой какого-то генерала. Всё же её удалось переселить на одну ночь к брату, жившему неподалёку. Солдаты быстро навели порядок: вымыли полы, протёрли кровать, стол и стулья.

Сталину всё понравилось. Но телефонистки ВЧ-связи поставили полевой телефон «Эриксон» (английский). Когда надо говорить с абонентом, то вначале покрутить ручкой, а потом прижимать клемму.

Сталин поднял трубку и заказал Ерёмченко (командую-

щего фронтом), а разговор не получается. Серов тут же подсказал, что надо вертеть ручкой и нажимать клемму, но это Хозяину не понравилось. И он обрушил весь свой гнев на Ерёмко, не стесняясь в выражениях, дескать, что вы топчетесь на одном месте, плохо наступаете. Со двора слышу уже по телефону начался «шум», который длился минут десять из-за того, что фронт топчется на месте. Вызвал того к себе на доклад. И через полчаса примчалась легковая машина, а за ней пикап с людьми, с кино- и фотоаппаратами. Серов спросил: «А зачем корреспонденты?»

Ерёмко стал просить оставить эту «кинобригаду» для того, чтобы сфотографироваться со Сталиным «во фронтовых условиях». Но как с такой просьбой обратиться к разъярённому Сталину? И действительно разговор с Ерёмко шёл без дипломатии: почему фронт не выполнил боевую задачу, поставленную Ставкой? Прошло более получаса.

Серов места себе не находил во дворике. Но вот ругань стихла, Сталин с Ерёмко вышли на крыльцо. В это время Серова отозвал пограничник из войск НКВД по охране тыла фронта и доложил: только что по радио сообщили, что наши войска заняли Белгород и выбивают фашистов из г. Орла.

Серов доложил об этом Сталину. Тот, улыбнувшись, сказал: «В старой Руси победу войск отмечали при Иване Грозном звоном колоколов, кострами, гуляньями, при Петре I – фейерверками, и нам надо тоже отмечать такие победы. Я думаю, надо давать салюты из орудий в честь войск победителей». Все присутствовавшие поддержали эту мысль.

Серов: «Перед отъездом Ерёмко Сталин опять потребовал вино и фрукты и выпили по рюмке за успех на фронте. После этого Ерёмко осмелел и говорит: «Товарищ Сталин, мне хотелось бы с вами сфотографироваться во фронтовых условиях».

Сталин посмотрел на него, промолчал и говорит: «А что, неплохая мысль». Ерёмко расцвёл. Но Сталин продолжил: «Давайте, Ерёмко, условимся так: как только ваш фронт двинется в наступление и освободит Смоленск от немцев, вы оттуда позвоните мне в Москву, и я приеду специально к вам туда, и сфотографируюсь».

Начало уже темнеть. Сталин пошёл в избу. Было около 9 часов вечера. Вот как вспоминал это время Серов:

«Я проинструктировал пограничников из охраны тыла, а сам пошёл прилечь, так как утром выезжаем в Москву. Сколько спал, не знаю, наверное, не более 20 минут, как меня Ефимов начал трясти за рукав и говорит: «Зовёт Хозяин», – так охранники звали Сталина. Я ему говорю: «Так он же пошёл спать». – «Нет, он ждёт вас». Я быстро пошёл. Смотрю, во дворе стоит Сталин и одну руку держит за спиной.

Я подошёл, доложил: прибыл по вашему приказанию, и приложил руку к козырьку кепки (я был в гражданском костюме, косоворотка и кепка). Сталин посмотрел на меня сердито: «А чего вы козыряете?» – «Я военный человек, товарищ Сталин», – отвечаю ему. «А я гражданский, по-вашему?» – «Нет, вы тоже военный», – отвечаю ему. Сталин: «Оштрафовать бы вас за непочтение к старшим».

Затем вынул из-за спины бутылку коньяку и наливает мне рюмку. Затем говорит: «Будьте здоровы, товарищ Серов, вы хорошо потрудились, спасибо», – и подаёт мне рюмку.

Я отвечаю: «Большое спасибо, товарищ Сталин, за внимание, но пить не могу». Сталин: как так, почему?

Отвечаю, что я при исполнении служебных обязанностей, поэтому не могу. Сталин: «А я, что, по-вашему, гуляю, а не исполняю служебные обязанности?»

Я отвечаю: «И вы работаете». Сталин чуть ли не вспыхнул: «Тогда оштрафовать вас ещё раз». Ну, я упёрся и говорю: пить не буду, завтра рано вставать, а сам думаю, я за всю войну рюмку коньяку не выпил, а тут разве буду пить?»

Я увидел, около угла стоял Хрусталёв, хороший сотрудник охраны. Его старший брат охранял В.И. Ленина. И говорю: «Вон, товарищ Сталин, стоит Хрусталёв, он здорово может выпить». Тогда Сталин позвал Хрусталёва, тот принял рюмку, выпил до дна, крикнул, поблагодарил Сталина и отдал обратно рюмку. Я сразу за угол дома и таким образом избежал этой неприятности. Когда Сталин ушёл спать, я сменил Хрусталёва на посту, так как его начало уже развозить.

В 8 часов утра я пошёл разбудить Сталина. Он лежал в кровати не раздеваясь. Сам я вышел во двор. Затем вышел Сталин, подошёл ко мне и говорит: «А что вы дадите хозяйке этого дома за то, что мы тут жили?»

Вообще говоря, я ничего не собирался ей давать, так как она не хотела нас пускать, но подумал и говорю: дам 100 рублей. (У меня в кармане было всего 100 рублей) Сталин говорит: «Мало этого». Я: «Так мы же прибрали ей двор, вымыли полы, убрали грязь, а не она это сделала». Сталин: «Отдайте ей продукты, мясо». Я: «Хорошо». Сталин: «Фрукты отдайте». Я уже не мог выдержать и рассказал, как она не хотела пускать на ночлег. Сталин благосклонно: «Ну, ладно, отдайте и вино, если есть». Я: «Хорошо, отдам».

Когда подали машины для отъезда, несколько стариков, крестьян, женщин подошли и с удивлением увидели Сталина. Он, садясь в машину, поприветствовал их. Они радостно замахали руками.

На ж/д станции я посадил их в поезд, попрощался и поехал «расплачиваться» с хозяйкой. Она подошла ко мне и говорит: «Так ведь это же товарищ Сталин был». Я говорю: «Да». Она чуть в обморок не упала.

«Так пусть он у меня живёт, сколько хочет. Я ведь не знала, что это Сталин». Ну, я расплатился с ней, как обещал Сталину, и поехал на аэродром для вылета в Москву. Позвонил генералу Власику, чтобы ехал встречать на вокзал Сталина. Оказалось, что в Москве никто из членов Политбюро не знал, где находился в эти дни Верховный.

В тот же день вечером, согласно приказу Верховного Главнокомандующего Сталина, был произведён салют в ознаменование победы над фашистами, от которых освобождены Белгород и Орёл. Было произведено 12 залпов из 120 орудий поздно вечером...

Вот такая история с салютом в честь освобождения Орла 5 августа 1943 года. Теперь в этом домике музей. А хозяйку Наталью Кондратьеву избрали депутатом райсовета, и через год построили новую хату, где она жила до середины 70-х годов...

Геннадий МАЙОРОВ
Орёл – Москва – Тверь – Ржев

В канун Дня России к нашей акции «Вечный огонь» подключился Союз женщин Орловской области. Его руководитель Ирина Ивановна Сафонова пригласила в сквер Артиллеристов сотрудников силовых структур, студентов юридического института и школьников.

После торжественного открытия своеобразного митинга, посвящённого памяти всех женщин, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, возложили цветы к памятнику, на котором увековечены два уникальных подвига: нашего земляка старшего сержанта Николая Сиротинина, в одиночку 17 июля 1941 года два с лишним часа воевавшего с танковой армией Гудериана, и единственного женского противотанкового расчёта, успешного на орловской земле провоевав всего 12 дней, но подбить четыре вражеских танка.

Обращаясь к собравшимся, И.И. Сафонова сказала:

– Подвиги солдат Победы бессмертны, потому что они

даровали нам жизнь и свободу. И мы должны стать достойными наследниками славы наших отцов и дедов. В лихую годину весь народ поднимается на защиту своей страны, своей семьи. И женщины – не исключение. Будем об этом помнить всегда...

Присутствовал на митинге и автор проекта «Вечный огонь» Геннадий Майоров. Он сказал несколько напутственных слов и предложил собравшимся посмотреть документальный фильм «Девичья пушка». Показ организовали сотрудники МЧС, у которых в арсенале автомашина с экраном, способная работать в любых условиях.

На этом весенняя часть широкомасштабной акции завершилась. Осенью мы продолжим знакомить жителей области и соседних регионов с Всероссийским просветительским проектом «Вечный огонь».

Екатерина ОРЛОВА

Цветы в сквере АРТИЛЛЕРИСТОВ

КНИГИ В ПОДАРОК

Писатель и журналист Геннадий Майоров даже предположить не мог, что его книга «Здесь оглохла зима от обстрела», по которой снят документальный фильм «Девичья пушка», будет пользоваться повышенным спросом у мальчишек, отдыхающих этим летом в замечательном загородном лагере «Лесная поляна». Несколько экземпляров, которые автор захватил с собой, разошлись мгновенно.

История о единственном в годы войны женском противотанковом расчёте, похоже, нашла отклик в сердцах ребят. Для многих этот подвиг стал откровением. И разговор об истоках нашего патриотизма, о том, чтобы быть достойными героического старшего поколения, будем надеяться, не пройдёт бесследно.

Оксана МОРОЗОВА

В канун Дня города Орловский Союз журналистов по итогам своего Всероссийского просветительского проекта «Вечный огонь» на средства Гранта Правительства Орловской области выпустил красочный буклет, который распространяется по библиотекам региона и среди ветеранов.

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чья имя тесно связано с Орловщиной. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи, воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней. Эту историю надо знать...

Певческий дебют. Источник Смоленский вестник. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е гг.

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало в №40)

IV

Трудно описать, что я пережила, почувствовав себя наконец свободной. Да, свободной... Париж, с его бурно бьющимся пульсом, окончательно опьянил меня. Задыхаясь от наплыва неудержимых чувств, я влюбилась во вселенную, влюбилась в жизнь, ухватила за неё... Душа переполнилась огромным интересом. Установилась правильная ежедневная работа: уроки пения, итальянского языка, мимики, декламация у Ристори, брата знаменитой актрисы. Безони приходил сопровождать меня. Всё вместе занимало большую часть моего времени.

Маркези очень хорошо отзывалась о моём голосе: ей он понравился. Она была очень симпатичная, умная, за роялем же просто величественная, обаятельно действующая на учениц. Похвала её вызвала в нас сильный подъём духа, недовольство расстраивало до слёз. Мною она особенно заинтересовалась. Пришлось ей многое рассказать о прошлом, ответить на вопросы.

Одна добрая душа меня как-то предупредила, что если я хочу быть в добрых отношениях с Маркези, то я должна обдать холодом "Сальваторку" – так прозвали её мужа ученицы. Маркези была ревнива и, кажется, не без основания. В прошлом "Сальваторка" наделал ей много горя с некоторыми из её

учениц. Сам же этот "Сальваторка" представлял собой сильно накрашенного, пошлого, молодящегося старикашку. Он и без предупреждения получил бы от меня здоровый отпор. Раз к первому апреля мы послали ему большую банку дешёвой ваксы для усов.

Его роль в школе состояла в писании рецензий о наших дебютантках, о концертах и вообще в рекламировании нашей школы. Изредка его приглашали в класс, когда надо было в итальянской партитуре заменить какое-нибудь неудобное для пения слово, а в обыкновенное время он где-то постоянно шатался, и Маркези часто из-за этого бывала не в духе. В эти минуты, желая уязвить ученицу, она иногда говорила: "NON VOUS NE FEREZ JAMAIS UNE ARTISTE ALLEZ PLUTÔT VOUS MARIER!" [Нет, из вас никогда не получится художник, выходите-ка лучше замуж! (фр.)].

Эти жестокие слова каждый раз вызывали слёзы. Ко мне они были не применимы, но в забывчивости она и мне давала тот же совет. Однако, тут же спохватившись, смеялась, и дело улаживалось.

Любительниц в школу она не принимала, все учащиеся готовились в профессиональные певицы, и так же смотрела она на меня.

Мне было страшно ей признаться, что пока я только хочу научиться хорошо петь и ни о чём другом ещё не думаю. Да и могла ли я угадать, какой результат будет из моих уроков?

Голоса она ставила превосходно и делала это с любовью. У неё была масса учениц. Среди моих товарок были американки, шведки, немки, несколько русских, даже одна австралийка, съехавшиеся со всех концов света. Многие переходили к ней из других школ. Были опытные певицы. Некоторые приезжали с утомлёнными голосами, исправлять дурную методику. Артистки очень отличались от учениц манерами, развязностью и туалетами. Признаться, мне они были менее симпатичны. В ученицах было что-то чистое, нетронутое, те же носили отпечаток искусившихся, опошленных, изломавшихся и часто с малыми данными очень о себе воображали, относясь ко всем пренебрежительно, свысока. Встречались ещё и старые ученицы, уже пользующиеся известностью, приезжавшие к Маркези проходить с ней новые оперы.

Первые уроки состояли в изучении гигиены горла для сознательного отношения певицы к этому органу. Демонстрировалась модель человеческой гортани или же большая таблица той же гортани в увеличенном виде, с мельчайшими подробностями её строения. А вообще, школа делилась на три класса: в первом – постановка голоса, во втором – арии и классический репертуар, в третьем – оперный класс. Редко ученице удавалось пройти курс в три года. Маркези любила под разными предлогами затягивать работу.

В пении, как и в музыке, играет большую роль музыкальность. Как бы голос ни был сам по себе красив, но без музыкальности трудно дойти до совершенства в исполнении. Ошибочно думают некоторые, что весь вопрос в силе голоса, – звук должен быть не только силен, но и красив. Задавшись красотой звука, можно смягчить и облагородить несимпатичный тембр. Вообще, насильное голосовое крик – не эстетично, и этим для певца утрачивается навсегда гибкость голоса, мягкость переливов, задушевность.

По совету Маркези я с Маней и Лизой, моей девушкой, по-

селась в пансионе, где уже жили четыре её ученицы: Рындина, очень добродушная, с огромным неподатливым контраalto, Карганова, бойкая, смазливая и вертлявая армянка, Фриде, обладавшая прекрасным и симпатичным меццо-сопрано, и её подруга, чешка из Праги, Паола Новак, простоватая, но милая девушка с чудесным голосом. Всё это были трудящиеся, хорошие люди, с которыми я скоро сошлась.

В школе наши уроки приходились в разные дни: я пела с начинающими, они же были все в оперном классе. Месяца два спустя Маркези из любезности позволила мне брать урок в одно время с ними. Таким образом, я имела возможность слышать хоровое пение, чудные голоса, развивать мой вкус вдвойне, усваивая методу преподавания, что принесло мне огромную пользу.

В пансионе я занимала с моей маленькой семьёй три небольшие комнатки. Они назывались у нас "главной квартирой", потому что, возвращаясь с уроков в шестом часу, все туда врывались шумной толпой, где нас уже ожидал вкусный чай с массой печенья, приготовленный Лизой на спиртовке.

К нам иногда в гости приходили другие товарки. Одна из них была Мария Сионицкая, с чудным драматическим сопрано. Карганова часто аккомпанировала ей, помогая в выговоре итальянских слов, который ей трудно давался. Впрочем, в России ей этот итальянский выговор не понадобился, из неё вышла первоклассная артистка, и она впоследствии сделалась одной из примадонн московской императорской оперы.

Однажды мы решили встретить Новый год у меня на "главной квартире". К этому торжеству были припасены, кроме обычной чашки чая, большой сладкий пирог, карамельки и бутылка ликёра. Ровно в 12 часов мы дружно чокнулись, искренно пожелав друг другу успеха в нашей работе. Было весело, беззаботно, а крохотная рюмка ликёра удвоила веселье. Удаляя Карганова, которой стало жарко, мало-помалу всё облегчала свой туалет и, когда мы наконец решили разойтись, никак не могла собрать всех своих пожитков и, сидя на полу, понемногу одеваясь, на все лады подпевала, повторяя сто раз одну и ту же фразу: "Где мои вещи, молотки да клещи?"... Поздно за полночь мы ещё пели и смеялись, нарушая покой нашего пансиона, погружённого в глубокий сон.

За табльдотом наш конец стола был самый шумный. Не стесняясь разных чопорных англичан, мы громко болтали по-русски, без церемоний высмеивая присутствующих. Новак мало понимала по-русски, но порой смеялась громче всех на веру, катая круглыми голубыми глазами.

"Was, Was?" [*Что, что? (нем.)*] – с тоской тщетно вопрошала она и, не получив ответа, всё-таки от души смеялась, что было донельзя забавно. Иногда Фриде, сжалившись над ней, что-нибудь наскоробко объяснит.

Раз на другом конце стола появилось знакомое лицо. Это была Марья Гавриловна Савина. С этого дня мы переменили тактику и стали болтать вполголоса. Савина обыкновенно приходила к обеду с компаньонкой, но раз та отсутствовала. Как на грех, у Савиной за обедом закружилась голова. Она побледнела, хотела встать, пошатнулась... Я вмиг очутилась возле неё, предложила свою руку. Опираясь на меня, она попросила отвести её к себе в номер. Поздно я у неё засиделась, пока не вернулась компаньонка. После этого мы изредка заходили друг к другу.

Раз Марья Гавриловна предложила мне пойти с ней в театр. В Пале-Рояле шла уморительная пьеса в чисто французском духе "La Sagnotte". Действительно, я до того смеялась, что мне пришлось даже немного расстегнуться. Но Марья Гав-

риловна хохотала ещё больше меня. Почему-то я думала, что артистка, знакомая с закулисной стороной, теряет иллюзию обыкновенного зрителя, но это, оказывается, неверно.

Однажды я познакомилась у неё с Иваном Сергеевичем Тургеневым, обаятельным стариком, сразу внушившим мне глубокое благоговение. Он заинтересовался мной, моим настоящим и прошлым. Не раз пришлось раскрыть перед ним свою душу. Слушая меня, он часто говорил: "Эх, жаль, что я болел и раньше вас не знал. Какую бы интересную повесть я написал..." Но он скоро заболел. Я навестила его. Он произвёл на меня впечатление заброшенного. Крутом него было холодно. Тяжело и обидно было за этого великого человека, умирающего на чужбине среди равнодушных и чужих... Через полтора года после нашего знакомства его не стало [*И.С. Тургенев умер 22 августа (13 сентября) 1883 г. в Бужевале, близ Парижа.*].

В Париж приехал Антон Рубинштейн давать свои исторические концерты [*С циклом исторических фортепьянных концертов А.Г. Рубинштейн выступал в европейских столицах с октября 1885 по май 1886 г.*]. Маркези объявила нам, что он посетит нашу школу и чтобы мы были все в сборе завтра к двум часам. Это было целое событие... На другой день, трепеща от нетерпения, мы все ожидали знаменитого артиста. В детстве и позже я много раз слышала его в концертах и давно уже была под обаянием его гениальной игры. Мы встретили его восторженно. Недолго думая, он сел за рояль, а мы тесным кольцом обступили его. Играл он как бог. Мы замерли, едва дыша. Но после скерцо Шопена, в котором он превзошёл себя, всех охватил безумный восторг. Поднялись крики, аплодисменты, что-то вроде сумасшествия. Вдруг я с ужасом вижу, как две неистовые шведки, стоявшие за ним, бросились вырывать у него волосы... Рубинштейн вскочил, рванулся к двери, ведущей в комнату Маркези... Я очутилась возле, пропустила его в комнату, выскочила за ним и заперла дверь на ключ. Всё это произошло в один миг. Он был взволнован, рассержен и, грузно опустившись в кресло, тяжело дышал. Явилась Маркези и, желая загладить неприятное впечатление, стала извиняться, объяснять, что эти дуручки в пылу восхищения, не помня себя, хотели сохранить от него что-нибудь на память. Однако он не захотел больше вернуться в залу, и мы провели его к выходу окольными путями. Прощаясь, он сказал мне: "Что, спасительница, вы будете на моём концерте?" Я объяснила ему, что, к великому горю, никак не могла достать билета, что за два месяца уже всё было расписано, и мы слышали даже, что, перекупая места, некоторые платили за них по пятьсот франков и больше. Он обещал уладить дело, прося меня встретить его при входе в фойе.

Спустя два дня состоялся его первый исторический концерт. Карганова, у которой тоже не было билета, решила поехать со мной наудачу. Ровно в семь часов мы были на месте, ожидая его у подъезда. Нам это показалось верней. Съезд в этот вечер в зале Эрара был необычайный. Мимо нас проехали тысячи нарядных экипажей. Немного погодя на скромном фиакре подъехал и наш знаменитый артист. Взяв обеих отечески за руку, он провёл нас в фойе.

Народу в зале было столько, что все сливалось в одну массу, даже в проходах публика стояла густой стеной. На эстраде не оставалось нигде свободного вершка: где только возможно, поставлены были стулья. И всё головы, головы... Ничего, кроме голов. Рояль был придвинут к самому краю эстрады. Чтобы артист мог пройти на своё место, приходилось из публики некоторым вставать. Духота уже с самого начала стояла невыносимая. Шум, говор сливались в какой-то сплошной гул. Пока

публика бурно аплодировала, горячо приветствуя артиста, Рубинштейн приказал принести ещё два стула, которые стали передаваться через головы сидящих на эстраде, причём все принимали участие в этой трудной операции. Нам едва нашлось место около самого артиста, у самых клавиш. Весь этот шум и возня, непринуждённость самого артиста придавали концерту интимный, семейный характер. Он начался и прошёл в каком-то неистовом бреду восхищения. Я никогда не видала в Париже такого единодушного восторженного приёма артиста, как в тот вечер. Только у нас в России бывает что-либо подобное, французы редко переходят границы в выражении восторга.

Не могу сказать, что я пережила во время дивного исполнения. Помню только, что, замирая, я уносилась куда-то, что звуки, вливаясь в душу, волновали её, вызывая то грусть с невольной слезой, то сладкую мечтательность, то высокий бодрящий подъём духа. Я страдала, блаженствовала и молилась. Во мне этот вечер оставил неизгладимое впечатление.

Красоту и могущество музыки трудно определить словами. Она с силой охватывает нашу восхищённую душу; унося её то в радужных грезах, то в тихой печали. Я же от музыки почему-то чаще всего страдаю. Мне больно и в то же время я наслаждаюсь...

Вскоре после знаменательного концерта мы принялись разучивать хор Рубинштейна "Садко", который должен был исполняться с оркестром под его управлением в "CIRQUE D'HYVER" [Зимний цирк (фр.)], в концерте LAMOUREUX [Ламурэ (фр.)]. Хоры шли успешно, но Рубинштейн ещё был недоволен оркестром. Он сердился на репетициях, кричал, и голос его гремел, быстро замирая в пространстве пустого цирка. На последней репетиции забыли захватить его дирижёрскую палочку. Он очень горячился, ежеминутно останавливая оркестр и дирижируя смычком, в порыве увлечения, стуча по пюпитру, сломал их несколько штук.

В день концерта мы собрались к часу дня в особую комнату нижнего этажа несуразного здания цирка. При дневном свете эта постройка была страшна, с тёмными бесконечными коридорами и закоптелыми стенами. Долго мы томилась в ожидании нашего выхода. До нас глухо доносились взрывы аплодисментов, смутный гул, отголоски далёкой жизни. В ожидании нашей очереди мы покорно расселись в большой неприветливой комнате. Хор наш состоял из сорока лучших голосов школы Маркези. Мы ждали выхода, и разговор у нас не клеился.

Первое ожидание чего-то нового, интересного, живого перешло для меня в бессознательную критику. Я ожидала другого. В одном конце фойе возился солист-скрипач, во фраке, бледный, худой, с длинными прядями жирных волос, висящих мочалками. Настраивая и перестраивая свой инструмент, он выводил на нём какие-то кислые звуки. В другом сидела полная, уже немолодая, сильно напудренная девица с расстроенным лицом. Её голубой, далеко не первой свежести туалет ясно говорил о терниях артистического пути. Паола Новак, с которой та долго говорила по-немецки, сказала нам, что это знаменитость из Байрейта с чудным голосом. Тут была ещё певица-француженка, в сомнительной свежести белом платье, худощавая, раскрашенная, с большим апломбом, видимо презиравшая немку...

Странно... Мы все здесь были призваны к одному служению искусству, а смотрели друг на друга с холодным равнодушием, и даже с нескрываемой антипатией, и далеко не напоминали собой жрецов, сошедшихся служить одному божееству. Говорят, что в мире искусства именно жрецы постоянно враждуют и нет между ними никакого единодушия.

Но вот открылась дверь, явился LAMOUREUX, вежливо предложил руку немке и вывел её в залу. По очереди все солисты возвращались оттуда, а с ними в открытую дверь врывалось, как отдалённое эхо, оживление залы, последние взрывы аплодисментов. Лица артистов оживлялись, даже раскраснелись, один лишь тщедушный скрипач вернулся таким же бледным, со своим неизменным платочком у шеи.

Мы выступали во втором отделении. Наконец, настала и наша очередь. Перед выходом пришла Маркези. У неё был вид генерала, обзирающего свой полк перед парадом. Сделав нам несколько замечаний, она отрывочным голосом скомандовала: "EN AVANT" [Вперёд (фр.)]. После монотонного, бесконечно томительного ожидания в холодной, сырой, плохо освещённой комнате, в окна которой глядел сероватый зимний день, вид ярко освещённой, пестрой, шумной залы в первую минуту одурманил меня. Нагретая душливая атмосфера ошеломила, точно обожгла.

Я впервые очутилась на эстраде, перед бесчисленной толпой, собравшейся послушать знаменитого артиста. Я чувствовала себя потерянной среди этой огромной несуразной эстрады, возведённой частью на арене, частью на трибуне цирка. Когда я подняла глаза, мне показалось, что я сижу на дне глубокой чашки: над моей головой, до самого потолка, разместились музыканты, гудя изо всех сил в духовые инструменты. Наш хор занял часть эстрады справа, за струнным оркестром. На противоположной стороне, параллельно с нами, разместился хор мужчин, учеников парижской консерватории.

Явился Рубинштейн. Публика заревела. Он подал знак. Зала замерла. В назначенный момент мы дружно вступили, и наши голоса слились с могучими, стройными звуками оркестра. Наш хор, составленный из отборных молодых голосов, представлял удивительное богатство и красоту звука. Многие из нас были уже законченными артистами.

Странно... Делалось столько приготовлений, было так много разговоров, ожиданий, волнений, раскинулась такая сложная картина, а для меня вырвалось из общего лишь одно: момент на эстраде, а там – ничего, ни до ни после. Во всём этом не было цельности, отсутствовала гармония, много было ненужного, шероховатого, положительный момент слишком ничтожен. Почему-то всё вместе оставило во мне чувство полной неудовлетворённости. Мне показалось, что я с большим удовольствием изобразила бы слушательницу, нежели исполнительницу, я предпочитала иллюзию.

Рубинштейн тогда страшно увлекался Ван-Зандт и не пропускал ни одного представления с её участием. Мне удалось ещё раз его увидеть. Однажды он пригласил меня в свою ложу. Шла "Динора", в которой Ван-Зандт была неподражаема.

У нас в школе снова приготовления: объявлен годичный концерт учениц Маркези. В нём выступают несколько окончивших учениц оперного класса, между прочим, Рындина, Фриде, Карганова и Новак. Новак поёт арию из "Фауста", сцену у прялки. В школу нарочно по этому случаю приехал Гуно, послушать её и дать лично свои указания. Он симпатичный, приветливый, говорит сочно, красно, с лаской в глазах. Каждой из нас он сказал любезное слово. Кроме Новак, он прослушал ещё некоторых учениц в своих произведениях. Мы все были очарованы им и шумной толпой выбежали проводить до кареты.

Одна из американок должна была исполнить в концерте арию Офелии, сцену сумасшествия из "Гамлета" Амбруаза Тома. Он тоже приехал давать свои указания, но, делая их сухо, обрывая на каждой фразе, безжалостно запугал исполнительницу. Просто было жалко смотреть на неё. Холодный, прямой,

надменный, он заморозил нас окончательно. Мы не смели шевельнуться при нём.

В день концерта у меня было много дел. Надо было успеть всех одеть, причесать. Новак жила в одной комнате с Фриде. Чтобы друг другу не мешать, она одевалась у меня. Какая спешка, суета... Мы с Лизой бегали как угорелые с этажа на этаж, из комнаты в комнату. Кому не хватало шпилек, у кого нет духов, одной нужны перчатки, у другой неподходящее пальто... У меня всё это есть: каждая находит, что надо. Минута важная, и я счастлива выручить товарок, им угодить.

Концерт прошёл благополучно. Наша школа оказалась, как всегда, на высоте. Вернувшись домой, за чашкой чая, на "главной квартире" делимся впечатлениями, вспоминаем пережитые волнения, страдания и радость успеха.

Иногда мы ходили в оперу для экономии в складчину. Бралась огромная литерная ложа в четвёртом ярусе. Нас набивалось в неё шесть, а то и восемь душ. Жара на этой вышке была невообразимая. Придумана была удивительно остроумная комбинация. Проходя по улице мимо торговли апельсинами, каждая из нас покупала пять, шесть или целый десяток чудесных фруктов. Всё это распихивалось по карманам и во время антрактов поедалось. Корки же неминуемо бросались на пол, и что думала о нас "увреза" после нашего ухода – нам было всё равно.

С нами случилось одновременно и горе, и радость. Горе – Рындина уезжает, радость – она едет в московскую оперу дебютировать в роли Вани в "Жизни за царя". Мы все очень полюбили её, жаль с ней расстаться, но за неё мы довольны: цель достигнута. Обнимаясь и плача, проводили мы её на вокзал. Вернулись домой осиротелыми. В сущности, Рындина со своим ровным характером была звеном между нами. После её отъезда наша компания понемногу распалась. Я же больше всех сошлась с Каргановой (впоследствии Терьян). Её смелый, весёлый характер нравился мне. С Фриде нам не удалось сблизиться. Я думаю, это произошло оттого, что за ней вечно тащилась Паола Новак, её товарка по Вене, откуда они перебрались в Париж к Маркези, а с Новак мне было трудно сойтись: она была неинтересна и, кроме красивого голоса, ничего собой не представляла.

Однажды мы с Каргановой дружно пили чай. Лиза, которая от души презирала французов, стала нам жаловаться, что "у этих хваленых французов даже путной бани нет, негде и помыться"... Карганова приняла эти слова к сведению. Несколько дней спустя она влетела к нам ураганом и объявила, что нашла русскую баню, но что по-здешнему её называют "хаммам". Мы слушали её с недоверием. Она принялась усиленно уговаривать нас попробовать, ручаясь, что это будет превосходно. Она так приставала к нам, что мы наконец сдались. Решено было отправиться туда на другой день в четыре часа. Мы отправились втроём и, заплатив в кассе за вход, очутились в большой зале с каменным полом. Вдоль стен были устроены невысокие перегородки на манер узких стоек с сиденьем, полочкой и маленьким зеркальцем. Вместо двери у каждой перегородки висела холщовая занавеска – то были раздевалки. Из залы дверь вела в другое помещение, в котором находился душ. Мы с Лизой не решились раздеться, нам эта обстановка не внушала доверия. Карганова, наоборот, желая доказать, что это превосходно, быстро разделась и, развязно выйдя к нам в костюме Евы, стала искать глазами, на чём бы сесть, но не найдя ничего, попросила стул. Стула не оказалось. Она долго гуляла по зале и уже начинала не на шутку сердиться. Наконец с

трудом отыскали где-то крохотную ножную скамейку. Банщица тоже уже ворчала. Усевшись, Карганова вызывающим тоном потребовала мыла. Мыла тоже не было. Вместо него была принесена небольшая мисочка с мыльной водой. Карганова, возмущённая, бушевала, забыв о нашем присутствии. Между банщицей и ею было полное недоразумение. Возник вопрос: чем и как помыться? Тогда явилось на сцену нечто вроде толстой кисти из грубой мочалы, которой банщица принялась обмазывать, точно разрисовывать, Карганову. Когда эта операция была окончена, банщица повела её под душ среди немилосердной перебранки: отношения их окончательно обострились.

Я уже давно умирала от смеха, но что удваивало моё веселье, так это невозмутимое лицо Лизы, серьёзно и внимательно следившей за всем происходившим. Нет, этого описать невозможно...

Когда Карганова очутилась под душем, банщица, желая, вероятно, сорвать на ней сердце, оплатила за всё, пустила в неё кипящую струю... Вдруг я вижу мою Карганову в корчах: куда она ни бросится, струя неумолимо следует за ней. Крик, гул, беготня, плеск воды и мой уже ничем не удерживаемый хохот – всё смешалось в общий хаос... Наконец, Карганова рванулась в мою сторону, попытка её прекратилась...

Долго, долго я не могла отхохотать этой смешной историей. Так окончилась наша попытка найти в Париже русскую баню. А Лиза торжествовала.

Мои занятия шли очень успешно. Я уже перешла в оперный класс. В это время я познакомилась с художником Константином Маковским и имела глупость согласиться позировать ему для поясного портрета. Меня очень интересовало это знакомство: это был первый художник, с которым я близко встречалась в своей жизни. Вспомнилось мне моё детское представление о художниках: "Какие это должно быть, хорошие, умные, особенные люди"... Вспомнились мои детские мечты, восторженные представления об этих избранных людях, стоящих выше толпы... И должна сознаться, что моя первая встреча с представителем этих высших существ и впечатление, вынесенное от общения с ним, было не в его пользу: он поразил меня своей невероятной пошлостью, пустотой и невежеством...

Добросовестно и аккуратно я приходила на сеансы три раза в неделю, несмотря на тайные угрызения совести, что непроизводительно трачу драгоценное время, отнимая его от своих занятий. Я успокаивала себя мыслью, что зато останется портрет с меня молодой, память на всю жизнь.

Маковский почему-то непременно захотел писать меня в костюме Марии Стюарт. Хотя я этой фантазии не разделяла, но пришлось сдаться, потому что с некоторыми художниками невозможно говорить резонно: они непогрешимы, не терпят здоровой критики.

Чем больше я узнавала его, тем больше разочаровывалась в нём. Я не приходила в себя от недоумения, утешая себя тем, что остальные, наверное, не такие, как он. Мне слишком жалко было расстаться с прежними иллюзиями.

Каково же было моё удивление, когда, по окончании наших сеансов, я узнала из уст самого художника, что мой портрет продан какому-то любителю просто как этюд женской головки! Такой бесцеремонности я от него не ожидала и только тогда поняла, почему ему был так необходим костюм, – в простом платье эскиз было бы трудней продать.

(Продолжение следует)

Наталья ЕЛИЗАРОВА,
член Союза российских писателей и Союза писателей Москвы,
генеральный директор Академии изящной словесности «Орля»

«В ЭТОМ МЕСТЕ МОЯ ДУША»

В день празднования в России Дня семьи, любви и верности в деревне Волково, что всего в пяти километрах от Мценска, состоялось торжественное открытие парка усадьбы Шеншиных, реконструкция которого началась в 2020 году.

Барский дом Шеншиных (ныне – школа)

Когда-то в этих краях существовало два имения – Ближнее и Дальнее Волково. Ближнее Волково, которым владел гвардии подпоручик в отставке Николай Никитич Шеншин (1816–1878) знаменито тем, что здесь впервые встретились И.С. Тургенев и А.А. Фет. Знакомство, о котором сейчас напоминает лишь памятный камень (здание усадьбы, которым род Шеншиных владел с 1694 года, не сохранилось), состоялось майским утром 1853 года. Младшая сестра Фета, семнадцатилетняя Надя, часто ездила из Новосёлок в гости в Волково. Брату, приехавшему в отпуск из полка, она сообщила: «Я привезла тебе от всех поклоны, и Шеншины убедительно просят нас с тобой приехать в следующее воскресенье. Будет Тургенев, с которым я сегодня познакомилась. Он очень обрадовался, узнавши, что ты здесь. Он сказал: "Ваш брат – энтузиаст, а я жажду знакомства с подобными людьми"». Фет восхищался стихами и прозой Тургенева и очень обрадовался предстоящей встрече, чего не скажешь о его отце. Афанасий Неофитович был против общения сына с Тургеневым, поскольку тот тогда был под надзором полиции и ему был «запрещён въезд в столицы».

Но взаимная симпатия, как писал А.А. Фет, разрослась в задушевную приязнь. Бывали литераторы и в Дальнем Волково, принадлежавшем отставному поручику Владимиру Александровичу Шеншину (1814–1872). Последний во время учёбы в Московском университете был дружен с Лермонтовым, поэт даже посвятил ему стихотворение «К другу В. Ш.». Оба Шеншина считали себя однофамильцами, но, как предполагал А.А. Фет, были дальними родственниками. Сам Афанасий Афанасьевич вошёл в литературу с фамилией матери, но фамилию отца, Афанасия Неофитовича Шеншина, носил с рождения до 14 лет, и позже – с 1873 года до смерти в 1892.

Здесь, в Дальнем Волково, барский дом сохранился. Строился он в два периода. Сначала был возведён в конце XVIII века бригадиром Александром Матвеевичем Шеншиным первый этаж в стиле барокко, а в середине XIX века – верхний, в традиции классицизма. В первом этаже находились помещения с более толстыми стенами, перекрытые коробковыми сводами с распалубками; более мелкие помещения жилого и хозяйственного назначения объединялись в изолированные группы с отдельными входами. Планировка верхнего парадного этажа состояла из сдвоенной анфилады, объединявшей довольно большие гостиные. Позднее дом был перепланирован, сейчас в нём находится школа.

Также сохранился старый парк, который стараниями местной администрации и губернатора Орловской области Андрея Евгеньевича Клычкова начал возрождаться. Глава Мценского района Екатерина Александровна Ерохина рассказала, что по-

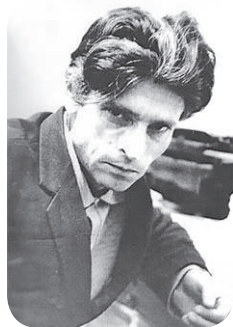

сле победы в проекте «Народный бюджет» удалось расчистить пруд и установить ротонду, в 2021 году в парке появился первый единорог – геральдический символ рода Шеншиных. После получения финансирования на Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях были проложены пешеходные дорожки, проведено освещение, размещены арт-объекты, сделана детская площадка – парк получил негласный статус жемчужины Мценского района. «Лично для меня это место особенное, в этом месте моя душа...», – призналась Екатерина Александровна.

После торжественного открытия парка гости во главе с

А.Е. Клычковым, заместителем председателя Орловского облсовета И.А. Грачёвым и Е.А. Ерохиной совершили пешеходную экскурсию, посетили чайный домик, возложили цветы к братскому захоронению советских воинов и даже присутствовали на бракосочетании, состоявшемся в беседке-ротонде. Также в рамках мероприятия прошёл праздничный концерт и награждение победителя IV открытой ежегодной поэтической премии имени Афанасия Фета – Николая Тихоновича Пидласко из г. Колпино. А ещё в этот день была организована первая велоэкскурсия по литературным местам окрестностей усадьбы Шеншиных, что станет новым, отдельным направлением местного туризма.

Николай ПЕРОВСКИЙ

В 2024 году исполнилось бы 90 лет одному из самых именитых поэтов Орловщины. Он не был отмечен никакими государственными наградами, потому что жил не по указке, а по совести. Но любовь читателей от этого не менее значима...

«ЛИПЫ ВЕКОВЕЧНЫЕ ШУМЯТ...»

ТРОПА

Г. Александрову

Судьба от старости слепа.
Но мне даровано судьбою
под сенью лунного серпа
стоять над сонною Свапою.

Туманны заросли куги,
затоны, рыжие от ряски.
Водовороты и круги —
судьбою смешанные краски.

А наверху, на пустыре,
ограда древнего кладбища.
Ещё дымится на заре
тысячелетий пепелище.

«Сведомы кмети» и стрельцы,
крутой подвластные планиде...
Здесь наши братья и отцы
спят в тесноте, да не в обиде!..

Среди раки и рясных верб
Я отыскал тропу к истоку.
Мой проводник — мой лунный серп
всё жнёт и жнёт времён осоку...

БАНЯ

Те в шинелях, а эти в кожанках,
в белозубой, безусой поре...
На дворе было пыльно и жарко,
сорок первый стоял на дворе.

Бесфамильные Гришки да Ваньки,
мы стояли в сторонке вразлад, —
возле нашей детдомовской баньки
разместился солдатский отряд.

Из ближайших, видать, деревенек
проводила родимая мать.

Как крестил, как огуливал венки
их мужскую поджарую статью!

Посреди комиссарского детства
ты остался с распахнутым ртом:
надышаться на них, наглядеться
за вчера, за сейчас, за потом!

Те в кожанки, а эти в шинели
затянулись, построились в ряд, —
до войны остаётся неделя,
на околышах звёзды горят.

За селом могила комиссара.
На прямоугольнике плиты
выцветшую надпись «Фёдор Хмара»
оживляют свежие цветы.

Шмель гудит, и счёт ведёт кукушка,
липы вековечные шумят,
а в селе старинная старушка
нянчит комиссаровых внучат...

Здесь, у Царицынской заставы,
струятся синие пруды.
Вдоль них составы, как суставы, —
поток размеренной страды.

И пусть дворец Екатерины
лежит, как древний Парфенон,
его разверстые руины —
не сладкий сон в тени колонн.

Ну, нет! Россия не Эллада,
здесь не музей, здесь вечный фронт.
Она уходит из-под взгляда
за тридесятый горизонт.

Её просторы и народы
так незлобивы и просты,

но не таят пустой породы
их судеб тяжкие пласты!

ДВОЙНЯ

Шёл солдат с большой войны
мимо древних пашен.
Ржавый запах тишины
был угрюм и страшен.

В зыбких зарослях куги
на трясине тряской —
вражья каска, здесь враги
захлебнулись ряской!

Меж крапивы-лопухов,
гнутая вопросом,
пеленала сосунков
Настя носом к носу.

Пригляделся: ну и ну!
Вытер лоб ладонью...
Защитил солдат жену —
подарила двойню.

— Ладно, — хрипнул, — не дрожи...
Мало ли нагрузки.
Наши, русские, скажи...
Прошептала: Русски-и...

Взял он двойню в две руки,
локоть в локоть с Настей,
Дети, бабы, старики
кланялись им: — Здравьте!..

В КАБИНЕТЕ ЛЕНИНА

Всего загадочней на свете,
что в восемнадцатом, «во мгле»,
живёт Плеханов на портрете,
и дышит Тютчев на столе!..

Убежище

1
Газеты мира снова бьют тревогу
о том, что мир внезапно может рухнуть.
Очередной воитель в Вашингтоне
нажмёт на кнопку через пять минут.

...Он приосанился, поправил галстук
и вдруг, уткнувшись в зеркало, застыл.
Глаза в глаза — пред ним седой старик,

с пергаментным лицом, поросшим мохом,
далёкий и мучительно знакомый,
смотреть — невмочь, но глаз — не отвести,
«Я — это ты. Я плоть твоя и совесть.
Твоё лицо, твоя душа без грима.
Я старый и усталый человек...
Ты — заигрался, и твоя игра
тебя переиграла. Ты — слепец:
Протянешь руку и нажмёшь на кнопку,
а сам нырнёшь туда, в земное чрево,
и в персональном электронном склепе
укроешься, как древний фараон?!
Но человек не крот и не червяк,
в земле он задыхается от смрада...
Лишь солнце золотит глаза у женщин,
лишь звёздный купол нам дарит бессмертье,
ромашки — цвет и запах поцелуям!
И если ты убьёшь земную жизнь,
сама земля тебе откажет в праве
убежища! Чтоб мёртвым не мешал...»

2

Газеты мира снова бьют тревогу
о том, что мир внезапно может рухнуть.
Очередной Нерон из Вашингтона
нажмёт на кнопку через пять минут.

А вот, напротив строят себе домик,
привычное крестьянское жилище,
колхозный плотник со своей женою
и четверо их маленьких внучат.

Детишки помогают им охотно,
беспечные и лёгкие, как птицы,
привыкшие на взрослых полагаться
в своих больших и маленьких делах.

Их ноги загорелые мелькают,
их руки напряжённо держат камни,
их ясные глаза полны восторгом
и счастьем изнурительной работы!

Они спешат, кто лучше, кто быстрее,
они кричат: — Смотри, смотри же, деда!
А он стоит, сурово сдвинув брови,
и жёсткая ладонь его сжимает
отполированное горло топора.
Он слышит голос диктора... И раны,
которые привёз из Сталинграда,
всё ноют, ноют... Дети носят камни
и помогают взрослым строить домик —
убежище от снега и дождя...

Камиль ДАДАЕВ

Родом из с. Дылым Казбековского района Республики Дагестан. Окончил Хасавюртовскую среднюю школу №4 и отделение Востоковедения исторического факультета ДГУ. Продолжил учёбу уже в аспирантуре Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, где позже работал в должности младшего научного сотрудника. Сфера научных интересов – история Дагестана, Кавказская война, История раннего ислама, земельные отношения в Дагестане XIX – XX вв.

Поэзией увлёкся ещё в школьные годы, сочинять стал в юности. На тематику ранних стихов оказала влияние российской и зарубежная рок-музыка. Также особое влияние на творчество оказало знакомство с трудами философов – Фридриха Ницше и Гейдара Джамала. Развитие религиозной тематики явилось следствием реакции на Коран, а также изучение истории ислама и стран Востока.

В 2022 году вышел сборник стихов «Беседы с Симулгом».

БАЛЛАДА ОБ ЭКСПОНАТЕ (Анти-Археология)

Я – прах героя, что в бою пал ратном,
Лежу в земле уже пять тысяч лет.
Давно всё сгнило, сгнило многократно,
И от меня остался лишь скелет.

Мне так уютно здесь лежать годами
В объятиях твердеющей земли
И наслаждаться вековыми снами,
Что мне, живому, снится не могли.

Мой заржавевший меч и щит с кольчугой
Давно уже не стоят и рубля,
И перстень, что подарен был подругой,
В себе укрыла чёрная земля.

Я понял суть законов мироздания,
Что тишина нашёптывала мне,
Когда свободно тело от сознанья,
И все желания лежат вовне.

Но вдруг удар! И шум потряс могилу,
И языки лопат пронзили плоть
Сырой земли, что трепетно хранила
Мои останки. Помогите, Господь!

Спаси меня от этих рук корявых,
От мерзких лиц, от их пустых речей;
Спаси от жгучей августовской лавы
Проникших в бездну солнечных лучей.

Они своруют нагло, ненасытно –
Как варвары, что покоряли Рим –
Мой трансцендентный холод первобытный
И с черепа сотрут посмертный грим.

Они разграбят подло кров последний,
Опустошат, как царскую казну,
И череп мой потрескавшийся, бледный
Навек в другую увезут страну.

Спаси меня, Всевышний, от чудовищ,
Что днём и ночью роются в земле,
Готовые на всё ради "сокровищ" –
Костей, лежавших сотни лет во мгле.

Они явились незаметно, чтобы
Однажды ярким августовским днём
Изъять меня из глиняной утробы,
В которой спал я беспробудным сном.

Украден меч, и перстень мой присвоен,
Костей моих уже не соберёшь.
Я был когда-то славный, храбрый воин.
Теперь цена моим победам – грош.

Теперь лежать мне в выставочном зале,
И сотни пар потухших глаз глядят
На череп мой, где номер написали.
Теперь я лишь музейный экспонат.

Алида АДУЕВА

Выпускница ДХУ им. Джамала, слушательница поэтического семинара им. Магомеда Ахмедова. Пишет с детства, помимо русского языка иногда использует и английский. Изучает кумыкский язык, чтобы также использовать его в творчестве. Участница поэтических вечеров от объединений "Шираз" и "Одинокий стул".

* * *

Марина, где же ты?
Я сидела на берегу до самого утра и разгадывала
азбуку Морзе в морской ряби.
Я видела в этих отблесках твой силуэт, и как он менялся,
входя в воду и исчезая
навсегда.
Марина,

я продолжаю сидеть на берегу в надежде или в отчаянии,
и всё вокруг наполняется цветом моей печали,
течение времени моря слишком
мгновенно.
Ты поднялась в небо,
я обернулась в пену,
На неправильную любовь – неправильная Венера,
ты обернулась чайкой,

Магомед МУСАЕВ

Участник форума «Таврида» в Крыму и II форума молодых писателей Дагестана в Махачкале, фестивалей «Языки Кавказа» (Ставрополь) и «Национальных литератур народов России» (Пятигорск); участник совещания молодых переводчиков Фонда СЭИП в Звенигороде и слушатель поэтических семинаров Магомеда Ахмедова в Театре поэзии (Махачкала); финалист фестиваля «Мцыри» (3 место, Москва, 2022г.), член литературного клуба «Верб».

Стихи публиковались в журналах «Дагестан», «Языки Кавказа», «Доля», в газетах «Дружба» и «Литературная газета». Автор сборника стихотворений «Скупая круговерть».

Дважды стипендиат Главы Республики Дагестан (2018/19 – 2019/20).

«И прошлое мне кажется мечтой»

Константин Бальмонт

Мой путь становится лишь ўже,
лишь непокорнее – язык.
А сердце, любящее ту же,
что звать свою не отвык,
барахтается в вязкой луже.

Когда-то у большого камня
на побережье, под луной...
для поцелуя подала мне
ты руку с искренней тоской.

Мы и сейчас, у той же глыбы,
не силась будущее знать,
держаться за руки могли бы
и слушать волны допоздна.

"Волнуй, терзай... – что будет после?"
Почём мне знать? Я оплошал...
О чём теперь, как не о вёслах
молить и грезить мне, душа?

Мой путь становится лишь уже,
лишь непокорнее – язык.
А сердце, любящее ту же,
что звать свою не отвык,
барахтается в вязкой луже.

* * *

Это грустно.
Это обидно.
От этого слёзы рекой.
От этого что ни сказать – сказать ни о чём.
Из-за этого буквы из горла
лезут колючей проволокой...
Почему мне легче представить себя
лауреатом Нобелевки,
чем счастливым отцом?

Я ездил в Дербент.
Древний Дербент,
мой старый приятель...
Я ездил туда не ради друзей,
не ради объятий.
Ради встречи в суде.
Для встречи прежде влюблённых
есть место получше – где?..

Ветер поддакивает –
хлещет в лицо всё сильнее и сильнее:
"Не должно поэту познать отцовство,
не должно ему растить дочерей,
растить
сыновей..."

Дай поэту бумагу
и хватит с него.
Он – чужак.
Он – чудной.
Что ни пишет, то пишет спросонок.

Дай поэту бумагу,
пусть резвится ребёнок".

РЕВНОСТЬ

Путь к сердцу неразборчив, зыбок:
чем ближе к сердцу, тем темней...
Я не прощу твоих улыбок,
Подаренных не мне.
Не мне подаренных ошибок,
касаний рук, касаний глаз...
Я не прощу твоих попыток
быть милой напоказ.

Я непоколебим, как глыба.
Мне злость накинула петлю...
О, не прощу тебе что-либо!
Пока тебя люблю.

Луиза ГАСАНОВА

Пишет стихи с детства. Участник поэтического семинара Магомеда Ахмедова. Организатор и участник молодёжных поэтических вечеров.

Диалог

- Я с каждым в ауле померяюсь силой
и метко метаю ножи.
- А ты про любовь к своей маме красивой
тихонечко мне Расскажи.
- На горы взбираюсь без всякой страховки,
ногами топчу я костры.
- Поведай ты мне, но без доли рисовки:
кем был ты для младшей сестры?
- На помощь спешу я к друзьям безответно:
к лъстцу, хабрецу, наглецу...
- Скажи мне, хотя бы разок, неприметно
бежал ли на помощь к отцу?
- Слежу за здоровьем, расходуя силы,
питаюсь не абы я как.
- А так же исправно, ответь мне, кормил ли,
бродячих бездомных собак?
- Нет дома в селе без красавицы зрелой,
и каждой я в сердце проник.
- Ответь, по ночам в своих снах не узрел ли
одной и единственной лик?
- Во всём идеален, и даже прощу я
твои недостатки, любя.
- Ты очень любезен, но вот что скажу я:
«Увы, недостойна тебя».

* * *

Я, цепь лицезреть родимых вершин,
заметила вовсе не гору – горянку,
что скромно держала у шеи кувшин
с зелёною кроной с утра – спозаранку.

Застыла, задумавшись, глянула вдаль,
и долго стояла, внимая природе,

и мягкую, белую, тёплую шаль
надела на голову не по погоде...

Она мне казалась до боли проста,
но в это же время до боли прекрасна.
Мне виделось, словно горянки уста
в землистом оттенке сомкнулись бесстрастно.

Она показала девичий удел:
быть нежной и скромной, чем краше – тем тише,
быть неторопливой, охочей до дел,
быть гордой горянкой, что каждого выше...

Матрёшка

Раскрашен платок расписными узорами,
во взгляде широкая даль,
а между продольными в центре зазорами
древесного цвета вуаль.

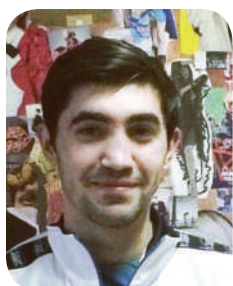
И держатся руки, всегда деревянные,
на старых, но гладких боках.
Местами потёртая, кукла чурбанная
с весёлой загадкой в глазах.

Скорей открывай, любопытству способствуя,
с надеждой её разгадать.
И снова увидев её, философствуя,
рассмотришь цветную печать.

И так каждый раз, окружённый волнением,
ты вновь просветления ждёшь.
Напрасное, глупое, смутное рвение –
заранее наглая ложь.

Не жди изменений от куклы бесчувственной,
любуйся её красотой,
а если вдруг ищешь глубокого смысла в ней,
ты просто увлёкся не той.

Родился в Каспийске. Профессионально занимался футболом. Писать стихи начал в 17 лет «по зову Аполлона». Окончил экологический факультет ДГУ, а также ВЛК в Литературном институте им. А.М. Горького. Писательство для него – это хождение по утончённому канату в самую неясную погоду: в бури, в ураганы, в торнадо, в смерч. Ступив на этот канат, ты не имеешь права останавливаться и пятиться назад.

Артур МУТАЛИЕВ

Мой сад

Войди в мой сад и удивись цветам:
пионы, крокусы, тюльпаны...
Наяды, нимфы, фавны, паны –
весь мир восшествует к вратам,
к художникам стального цвета,
к творцам неясного предмета,
к несуществующим страницам
несуществующих томов,

войди в мой сад – увидишь лица
и перламутры их умов.
Вот райский сад воспоминаний,
искусства перечень миндальный:
тревог, утрат, гонений, зла...
Меня природа вознесла
для бездн и нищих закоулков,
для бедняков, святых, придурков –
вот где расцвёл мой райский сад!
Там жизнь и прах, елей и смрад.

Победители конкурса «Добром за добро!» в номинации «Проза»

Мария ВАХНЕНКО (Станица Островская, Даниловский район, Волгоградская область, 14 лет)

Добрая душа

«Каждый человек должен оставить свой след на земле, – говорила моя бабушка.

– Бывает, живёт человек, хорошо живёт, богато. Всё у него есть, а как умрёт – добрым словом его никто вспомнить не может. Для себя жил, о себе только думал». Я сначала не прислушивался к её словам, любит поворчать моя бабуля.

К ней в гости часто приходила её соседка, и они подолгу разговаривали, вспоминали свою молодость. Когда начинались каникулы, я гостил в деревне, поэтому зимними вечерами любил слушать их воспоминания, особенно если по телевизору нечего было смотреть, а телефон надоедал. И вот в их разговорах всё чаще и чаще стало появляться имя Колька.

Как-то я спросил бабушку об этом, и она мне рассказала историю жизни «непутёвого» односельчанина, бедного, вечно в обносках, нигде не работающего тощего мужичка лет пятидесяти. Таким был Колька.

«Каждый день его можно было видеть на нашей улице, – начала свой рассказ бабушка. – Он обычно ко мне зайдёт, посидит, дров наколет зимой, грядку летом вскопает. Покормишь его, горемычного, или хлеба дашь, он и пойдёт дальше. Глядишь, к соседу уже направился, а от него – ещё куда. Так и ходил Колька, как на работу, к нам. Кому лекарство в аптеке купит, кому воды принесёт или снег почистит. Вдыхали соседки, глядя на Кольку:

«Ты б женился да работу нашёл, дом бы починил, а то

рухнет скоро». А он только улыбался и шёл дальше. Непутёвый и есть непутёвый.

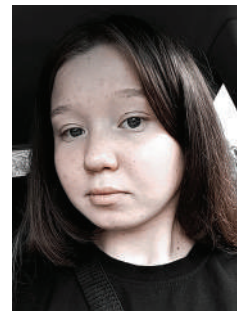
А потом как-то не сразу заметили: что-то не так. Кольку не видно на улице. Уехать он никуда не мог: нет у него никого. Забеспокоились станичники: оказывается, никто не видел Кольку уже несколько дней. Поговорили и разошлись. А наутро через пустырь к покосившемуся дому потянулись старики и старухи. Кто картошки сварил, кто яичко с салом завернул в газету.

Колька лежал в маленькой комнате на диване, укрывшись разным тряпьем. У него «нутро всё горело». Так он сказал старикам. Сначала даже не верилось, что Колька может заболеть. Никто не помнил, чтобы он на что-то жаловался. А потом разом все заторопились. «Скорую» вызвали. Кто рубашку из дома принёс, кто – штаны. Одним словом, «снарядили» Кольку в больницу. Вот только спасти его не удалось: болячка оказалась запущенная.

Хоронили Кольку всем селом. Столько людей было! Собрали поминки, поговорили, поплакали и разошлись.

Жизнь пошла своим чередом. Вроде, всё как прежде. Да не так. Одиноко стало старикам и старухам: поговорить не с кем, помощи ждать неоткуда. И поняли мы тогда, что Кольку нам сам Господь послал, что он, добрая душа, самым нужным для всех был», – закончила бабушка и тяжело вздохнула.

Только теперь я понял, про какой след на Земле она говорила. Давно уже нет человека, а память о нём жива, потому что Колька – это добрая душа.

Софья ГОРОДЖАНОВА (город Георгиевск, Ставропольский край, 13 лет)

Две недели в прошлом

Эти две солнечные июньские недели стали одними из самых запоминающихся в моём детстве. Я нашёл, а точнее, я познакомился с настоящей машиной времени! Но не буду забегать вперёд, расскажу всё по порядку.

А я ведь совсем забыл представиться! Меня зовут Саша, Александр Сергеевич. За что спасибо моей маме: в школе все зовут меня Пушкин. В мои семь с половиной лет у меня есть веселое достижение: я закончил первый класс (неплохо, между прочим).

Но вернёмся к машине времени. Вообще-то я хотел телепорт. Для меня он был бы крайне полезным изобретением. Это всё потому, что у меня очень странная семейка. Нас как будто разбросало ураганом: мы живём очень далеко друг от друга. У меня даже отмечены флажками на карте России все точки, где проживают наши родственники. Я уверен, что если бы вы попали в такую ситуацию, то непременно захотели бы себе телепорт.

Я не знаю почему, но я ещё ни разу не видел свою бабушку (маму моей мамы). Иногда я грустил по этому поводу и спрашивал маму, но она лишь отвечала строгим взглядом. А

это, между прочим, моя единственная бабушка. И в один прекрасный день родители преподнесли мне прекрасный подарок: это была поездка к моей бабушке. Когда я узнал, что впервые поеду к ней, то от радости даже дышать перестал! Случилось это за несколько дней до школьных каникул, и я успел обсудить всё с одноклассниками. Когда я рассказал друзьям о поездке, начались бурные обсуждения. Я, конечно, не всё запомнил, но отметил для себя, что у бабушки я буду кушать много вкусного. Почти все говорили об этом. Например, Машина бабушка делает лучшие пирожки с капустой, а бабушка Андрея – потрясающие пироги с замороженной голубикой. Мама меня, конечно, очень любит, но на пирожки времени у неё точно нет.

После всех этих умопомрачительных рассказов я стал готовиться. Ведь встреча с бабушкой – дело ответственное. Первым делом я начал с диеты. Судя по рассказам о бабушках моих друзей, я наемся до отвала. Правда, никто не говорил, какая нужна диета, но я строг к себе и теперь не доедаю супы, кашу и рыбу. Каждую ночь мне снятся сны, как я кушаю пирожки с капустой. Они возвышаются передо мной огромной горой, от них идёт пар и сказочный аромат. Почему-то я решил, что именно пирожки с капустой моя бабушка готовит безупречно. Вторым пунктом моей подготовки было хорошее поведение. Ничто не должно помешать мне отправиться в эту поездку. Со слов друзей я понял, что у бабушки можно

не только хорошо покушать, но и целыми днями смотреть мультики. В работе над самодисциплиной я начал с самого главного – пылесосить каждый, просто КАЖДЫЙ день. Ведь обычно, как только я прихожу домой, сразу слышу от мамы: «Саша, пропылесось!» Или «Саша, я просила тебя вчера пропылесосить». Теперь меня даже просить не нужно, пусть мама порадует. А ещё я ненавижу мыться. Но теперь я решил купаться в ванне три раза в день. Я думаю, этого будет предостаточно. Я очень хочу произвести на бабушку хорошее впечатление! Но думаю, что и она не промах. Уверен: где-то в нескольких сотнях километров она закупается ягодами и всем, что нужно для выпечки. А ещё дни напролёт варит для внука варенья и компоты!

И вот настал этот знаменательный день! Мама уехала работать в другой город, поэтому отвезти меня к бабушке – задача папы. Целых два дня мы проведём с ним в машине. Но он, правда, тоже потом уедет, сразу как передаст меня. Моей целью в дороге было узнать как можно больше о бабушке. Её имя первым делом.

– Пап, а как зовут мою бабушку? – спросил я, как только мы отъехали от дома.

– Ты такой нетерпеливый! – сказал папа.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста!

– Серафима Эдуардовна.

Больше мне не нужно было знать ничего! Ну как милую бабушку, которая печёт пирожки, могут звать таким замурднённым именем: СЕ-РА-ФИ-МА. Как же сложно! Видимо, её родители тоже были шутиками, ещё лучше моих. Неудивительно, ведь отец у неё Эдуард. Я таких имён в жизни не слышал. Ладно я – Сашка, и папа мой – просто Серёжа. Хотя у моей мамы тоже имя не из известных – Лаура. Пока я заминал одно только имя бабушки, мы доехали до заправки. Попробовав там еду, я понял, что будет непросто. Но верил, что мои страдания не напрасны. Ведь у бабушки будет уж точно вкуснее, чем тут.

Мы ехали настолько долго, что я задремал. Зато какой сон мне приснился! Там я захожу в дом к бабушке, и пахнет, очень вкусно пахнет вишней. Пройдя на кухню, я вижу на столе огромный вишнёвый пирог и улыбающуюся бабушку в оранжевом фартучке.

Проснувшись, я начал спрашивать папу о бабушке ещё больше. Например, какой его любимый бабушкин пирог, или какие он помнит забавные случаи из жизни, связанные с бабушкой. Но он лишь молча посмотрел на меня и, ухмыляясь, произнёс: «Сам всё увидишь, Сашенька».

И вот через пятьдесят один час пути мы доехали до большого деревянного дома. Вроде, он выглядел как все, но моё предчувствие говорило об обратном. Я сгорал от нетерпения, а папа наоборот весь побледнел, и было такое чувство, что он готов уехать отсюда сразу же, не заходя в дом. Папа позвонил в дверь, через пять минут она открылась, и нас встретила какая-то женщина. Нет, я не верил, это не может быть моя бабушка. Ведь бабушки ходят в халатиках или других домашних вещах. А эта дама в красном платье с золотыми узорами, в сапогах, похожих на ковбойские, а на голове у неё чёрная шляпа с большим количеством перьев. В её руке была какая-то трость с набалдашником в виде головы кобры.

– Здравствуйте, Серафима Эдуардовна. Вот вам Сашенька, развлекайтесь. Мне пора, до свидания, – и папу как ветром сдуло.

– До свидания. А вам здравствуйте, молодой человек. Ну, с, я жду вашего выступления! – сказала бабушка.

У меня внутри всё замерло. Какого ещё выступления она ждала? Меня никто не предупреждал, и я уж точно не готовился.

– Вы что это? Не подготовили ничего? Даже стихотворение мне не расскажете? Эх, что за поколение?! Бабушку в первый раз видит и не подготовился даже, – произнесла она и повела меня в дом. Самое первое, что я заметил, было очень старое чучело бурундука на входе. Моя бабушка казалась мне всё страньше и страньше.

И тут случилось самое страшное. Я понял, что в доме не пахнет едой! Ну, это уже слишком, зачем я сюда приехал тогда? Осталась одна лишь надежда на мультики. Немного отойдя от первого шока, я начал смотреть по сторонам. Что-то я не понял. Я где? В музее или в уютном бабушкином доме? Первый вариант подходил куда больше. Я, конечно, ходил с классом на экскурсию, но тут нет экскурсовода и экспонаты не подписаны. Большинство из этих вещей мне полностью незнакомы. Угадал я только старинную печатную машинку и что-то типа старой телефонной трубки. Наконец я набрался смелости и спросил бабушку:

– Бабуль, а пирожки будут?

Она посмотрела на меня выпученными глазами и сказала:

– Ты что? Я и печь пирожки? Да никогда в жизни. QUELLE HORREUR! – произнесла она и дальше говорила что-то на французском. Потом бабушка жестом поманила меня в комнату. Там стояло огромное фортепиано. Бабушка села за него и начала играть. Это было так красиво, что у меня даже слов не было! Я просто стоял и слушал. На партитуре было написано: «Моцарт. Сонаты для фортепиано». После всего этого я пошёл спать и долго не мог уснуть из-за мыслей, крутящихся в моей голове.

На следующий день я хотел посмотреть мультики. Пошёл в зал, а там... Там не было ни телевизора, ни компьютера. Зато был граммофон с пластинками и что-то непонятное – бабушка говорила название, но я так и не запомнил. Я ужасно расстроился, ведь тут ни пирожков, ни телевизора. Чем я буду здесь заниматься? Я что, зря готовился? Нет, я на такое не согласен. Я решил потребовать у неё свои законные мультики! Пусть придумывает, что хочет.

Я с самым серьёзным видом пошёл к бабушке. По стуку посуды я понял, что она на кухне. В тот момент, когда я вошёл, бабушка протирала пыль со своего любимого сервиза.

– Бабуля, – начал я и увидел, как у неё брови поползли вверх. Я быстро исправился: – Э... уважаемая бабушка, у меня к вам очень важный разговор. Дело в том, что я не представляю своё лето без мультиков. Но я не нашёл ни одного компьютера в доме.

Может быть, мне только показалось, но бабушка как-то странно улыбнулась на одно мгновение. Потом она сказала мне одеваться. Я подумал, что она поведёт меня к своим друзьям, у которых есть компьютер. Поэтому постарался одеться поприличнее. Бабушка тоже переоделась, а ещё зачем-то взяла с собой два складных стульчика. «Странно, – подумал я, – компьютер у них есть, а стульев нет, что ли?» Бабушка, не говоря ни слова, позвала меня жестом на улицу. Мы очень долго шли, и, когда завернули в лес, я начал волноваться. Откуда в лесу электричество, а тем более интернет? Мы подошли к лесной речке. Вдруг бабушка резко остановилась. Она поставила два стульчика и села на один из них. «Наверное, она просто устала», – подумал я и сел вместе с ней. Через некоторое время бабушка легонько толкнула меня в бок и попросила расслабиться (хотя больше

это было похоже на приказ). Она закрыла глаза и сидела неподвижно. Первые 10-15 минут было невыносимо скучно: это точно не было похоже на мультики. Передо мной был зелёный-презелёный лес, а позади – шумная речка. Я не понимал, куда мне смотреть и зачем. Наконец я смирился и тоже закрыл глаза. «Скука, скука, скука... Если так пойдёт и дальше, то я убегу отсюда раньше, чем через две недели», – думал я. Но в какой-то момент все звуки соединились во что-то, напоминающее мелодию. И тут я понял, зачем меня сюда привели. Жужжание трудящихся пчёл неподалёку, шорох листьев и шум реки – всё соединилось в музыку лета. Эта музыка даже чем-то напомнила мне произведение Моцарта, которое играла бабушка прошлым вечером. Мы вдвоём просто сидели неподвижно и наслаждались каждой секундой. Вы, возможно, со мной не согласитесь, но это было не хуже мультиков. Потом бабушка встала, сложила стул и без слов дала понять, что мы уходим. Домой я пришёл совершенно очарованный. Весь день бабушка рассказывала мне невероятные истории из своей жизни, а ночью мне снились самые прекрасные сны.

Всю неделю я обследовал дом. Понемногу я начал привыкать к запаху бабушкиных терпких духов и к вечерним рассказам. И каждый день я узнавал для себя много-много

всего нового. Например, не поехав к бабушке, я бы не узнал, что такое радиоприёмник, как он выглядит и работает.

За несколько дней до отъезда я понял, что моя бабушка не такая, как все. Она не печёт пирожки, не ходит в халате и не сюсюкает тебе всё свободное время. Нет, она другая, и это мне нравится. Моя бабушка разговаривает со мной, как со взрослым человеком и рассказывает истории не хуже любого экскурсовода. Она не проявляет свою любовь так, как другие, и на первый взгляд может показаться, что она вообще никого не любит. Но я знаю, что это не так! Бабушка любит меня. Она очень интересный человек, но это я понял не сразу. Она может без слов и лишних действий впечатлить тебя так, как никто другой. Бабушка завораживает своим терпением и вниманием к простым вещам. Она не разозлилась, когда я нагло требовал мультики. Она показала мне настоящую красоту лета. Я узнал, что смотреть мультики каждый день не обязательно, есть много других интересных занятий.

Моя бабушка оказалась живой машиной времени! Она переносила меня в те времена, когда не было интернета и телевизора. Люди берегли природу, а она радовала их.

Эти две недели в прошлом произвели на меня неизгладимое впечатление!

Призёры конкурса «Добром за добро!» в номинации «Проза»

Илья БОРОДИН (с. Тельче Мценского района Орловской области, 15 лет)

Цапля

Был серый сентябрьский день. После православного каस्याновского праздника Никития в округе наступало затишье: не было слышно гула тракторов и комбайнов, не чувствовалось деревенской суеты. Шумно было только возле школы, и то на переменах.

Поля вокруг деревни были пусты и чернели между перелесками. Деревья готовились скинуть с себя яркий багряный наряд и до весны собирались остаться темнеющими пятнами на фоне серого неба. Домашний скот ещё выгоняли на пастбища, но трава уже пожухла и была рыжей от мелких дождей. Ночами было прохладно.

Вот в такой день я в школе услышал от хвощёвских ребят, что они, когда утром шли в школу, со своей стороны, видели возле ручья, в низине между Капустниками и слободской стороной, цаплю. Она стояла и глядела под свои ноги, надеясь заметить лягушку. Цапля не испугалась шумной детворы и, пока дети перешли ручей на каस्याновскую сторону, так и осталась на своём месте, не меняя позы.

Ребята немного постояли на каस्याновском бугре, понаблюдав за грациозной одинокой птицей, и отправились в школу.

Услышав их рассказ о цапле, я решил после школы сходить на то место и посмотреть на цаплю, но, к моему сожалению, птицу я так и не увидел. Да и время, как назло, тянулось долго. Лишь после пятого урока, не заходя домой, я отправился на то место.

Унылая пора подействовала на меня удручающе. Дети из школы ещё не возвращались домой, поэтому я с надеждой

добрался до ручья, надеясь увидеть цаплю. Но увы! Цапли нигде не было. Я перешёл ручей, взобрался на хвощёвскую сторону, огляделся кругом – цапли нигде не было. «Значит, улетела», – с сожалением подумал я.

Ветра не было, но по-прежнему кругом стояла тишина, даже верхушки деревьев не колыхались. На них ещё держались жёлтые листочки, а на слободской стороне сквозь берёзки просвечивались зелёные ёлочки.

Кругом тишина. Было слышно журчание ручья. Ручей тёк от плотины, а потом вливался в широкий ручей, что бежал от Слободки. Когда шёл сильный дождь или весной ручей становился широким, перейти его было уже непросто, даже в резиновых сапогах, поэтому осенние и весенние каникулы начинались тогда, когда сильно разливался ручей.

С хвощёвской стороны была видна деревня Касьяново. Её извилистая улица тянулась вдоль дороги, которая медленно спускалась в конце деревни, а потом между несколькими домиками взбегала на бугорок. Маленькие хатки, крытые соломой, приютились по одной стороне улицы, но окна почти каждого дома смотрели на восток, поэтому и восход солнца и заход отражались в их окнах.

Деревушка наша была маленькая, со всех сторон окружённая небольшими распаханнами полями между перелесками. Я перешёл на хвощёвскую сторону, огляделся. Нет, цапли нигде не было видно: улетела.

Рядом деревушки – Слободка, Хвощёво, Калинеево – были все похожи одна на другую. Дворов в каждой из этих деревень было не более двадцати. Дорога проходила почти рядом с домами. По шуму с улицы можно было из дома определить, что проезжает по улице: то ли телега с возом, то ли трактор и очень редко – машина. Жили здесь все как одна семья: дружно, мирно. Праздники отмечали всей деревней.

Нешумные деревушки с красивой природой вокруг летом привлекали отпускников обилием грибов, ягод и своей неповторимой тишиной.

Я не раз осмотрелся вокруг. Тишина. Только журчанье ручейка немного нарушало покой.

Вдруг на слободской стороне застрекотала сорока. Я ещё раз осмотрелся и увидел её, цаплю. Я стоял на хвощёвской стороне, а цапля – в ручье. Я просто стоял и смотрел на неё, даже затаил дыхание.

Цапля зашевелилась. Подобрала под себя ноги. Взмахнула

крыльями и медленно-медленно полетела над Капустниками к бывшему барскому саду.

Я молча стоял и смотрел на эту величавую птицу. «Почему она одна?» – подумал я. Лишь только когда птица скрылась с поля зрения, я спустился с бугра и направился домой.

Наутро азаровские ребята рассказывали, что они утром, по дороге из Азарово в школу, видели одинокую цаплю возле глинского пруда. Я промолчал и никому не рассказывал о своей встрече с птицей.

После этого я больше никогда не видел цапель.

Богдан ЛИМАРЕНКО (Санкт-Петербург, 13 лет)

Крылатый червячок

Эта история произошла с одним маленьким червячком Жгутиком, живущим на цветочной поляне среди неотразимых маков, прекрасных белых ромашек, нежных небесных васильков и множества других прекрасных растений. На весенней поляне всегда кипит жизнь. Между травинками бегают шустрые жучки и трудолюбивые муравьи. С цветка на цветок перелетают пчёлы, шмели и грациозные бабочки.

Ах, бабочки! Как они прекрасны! Именно на них так хочется быть похож наш герой – червячок Жгутик. Да, да, вы не ослышались. Больше всего на свете червячок хотел стать яркой, элегантной и, самое главное, летающей бабочкой. Способность бабочек летать привлекала Жгутика больше всего. Ведь он, будучи червячком, никогда не испытывал этого удивительного чувства – чувства полёта. Он мог лишь догадываться, как это прекрасно, когда ты умеешь летать! К тому же бабочки ещё и очень красивые. Их яркий цветной окрас, замысловатые узоры на крыльях вызывали у червячка любовь и восхищение.

Жгутик, наблюдая за бабочками на протяжении года своей жизни, понял, что они появляются из коконов гусениц. Это открытие было для него крайне неожиданным. Он был очень удивлён, что всегда голодные, толстые, некрасивые гусеницы могут превращаться в очаровательных бабочек. «Раз уж эти обжоры становятся бабочками, то и я смогу стать бабочкой!» – уверенно рассуждал Жгутик. И вы не поверите, наш Жгутик, подобно гусеницам, вопреки всей своей природе червей, каждый день ел свежую траву! При этом он распевал на всю полянку песню собственного сочинения.

Мечтаю бабочкой быть я

Во сне и наяву,

И только этою мечтой

Я день за днём живу.

С утра до ночи ем траву,

Чтоб кокон себе свить.

На что я только не пойду,

Чтоб бабочкою быть!

Конечно же, есть свежую траву для Жгутика было не очень приятно, он ведь привык питаться полусгнившими остатками растений, но что не сделаешь ради заветной мечты!

– Эй, Жгутик, ты что опять как гусеница ешь свежую траву? Хватит уже себя мучить! Мне больно смотреть, как ты ешь то, к чему не привык! – раздался голос пробегающего

мимо муравья по имени Мудрец. Среди насекомых Мудрец был очень большим авторитетом. От своих собратьев-муравьёв он отличался рассудительностью и мудростью. И всегда протягивал попавшему в беду лапку помощи.

– Ничего ты, Мудрец, не понимаешь! Гусеницы, перед тем как стать бабочками, всегда едят много свежей зелени, поэтому и мне просто необходимо ею питаться. Потом я окуклюсь, спустя некоторое время стану бабочкой и смогу летать! – воодушелённо сказал Жгутик, поглощая очередной зелёный лист.

– Зачем тебе быть кем-то другим? Попробуй найти хорошее внутри себя, – ответил Мудрец и удалился в сторону муравейника.

Жгутик не стал слушать муравья. Ещё несколько недель подряд целые дни напролёт только и занимался тем, что, подобно гусеницам, поедая свежую траву. И наконец, настал тот день, когда по всем подсчётам Жгутика ему пришла пора окуклиться. Он много раз наблюдал за тем, как гусеницы вьют себе кокон. По мнению нашего червячка, ничего сложного в этом деле не было. Нужно просто повиснуть вниз головой на какой-нибудь веточке и ждать, когда появится кокон.

Червячок знал, что у гусениц заведено окуклиться на «Берёзе величия», так они называли небольшую берёзку, ветки которой были практически всегда увешаны коконами разных бабочек. Сжимая и разжимая своё тельце, Жгутик полз по стволу этого дерева к своей цели – ближайшей к нему веточке. Пару раз он чуть не сорвался, но всё же добрался до заветной цели.

– Ты что тут делаешь, червяк? – с пренебрежением в голове спросила одна из гусениц, которая, как и Жгутик, готовилась к окукливанию.

– Между прочим, я съел так много свежей зелени, что стал почти что гусеницей! И вот сейчас буду вить кокон, – гордо заявил Жгутик.

– Ха-ха, ты хоть всю поляну съешь, всё равно не станешь одним из нас! – злобно прокричала гусеница, забираясь на ветку повыше.

Она совсем не собиралась окуклиться рядом с червём. Такое соседство было для неё просто неприемлемо.

Жгутик же не обратил на злые слова гусеницы никакого внимания. Он продолжал двигаться к концу веточки, чтобы воплотить свою заветную мечту – окуклиться и стать бабочкой. Передвигаться по веточке нашему червячку было очень трудно и страшно. Ветка качалась даже от небольшого ветер-

ка. Преодолевая свой страх, Жгутик дополз до конца веточки, но трудности на этом не закончились, ему нужно было ещё как-то закрепиться на ней своим тельцем, повиснув вниз головой, и это оказалось намного сложнее, чем он себе представлял. Он обвил своим тельцем тоненький кончик веточки, повис на ней и вдруг почувствовал, что начал соскальзывать вниз. И точно, через одно мгновение Жгутик упал вниз. «Так ему и надо! Нечего на нашей Берёзе величия всяким червякам окукливаться!» – закричали гусеницы вслед падающему червячку.

Жгутик упал прямо в небольшую лужицу, больше напоминающую грязь, которая образовалась под берёзой после дождя. Её очень быстро облюбовали пиявки. Оказавшись в грязи, червячок совсем отчаялся.

– А гусеницы-то оказались правы! – думал Жгутик. – Раз уж я родился червяком, то летать мне не суждено! Не будет у меня прекрасных крыльев, и буду я копошиться в грязи до самой смерти! – рыдал червячок.

– А что в этом плохого? – вдруг раздался чей-то голос.

– Кто здесь? – спросил червячок и огляделся по сторонам. Тут он увидел, что на него с любопытством смотрят из грязи несколько пиявок.

– Мне и без крыльев хорошо живётся, – продолжала рассуждать самая большая пиявка. – И в грязной воде можно быть счастливым, – сказала она и улыбнулась, показав свои девяносто зубов.

– Вы что, никогда не мечтали о новой лучшей жизни? – с ужасом в голосе спросил Жгутик и попытался выбраться из этой грязной лужицы.

– А зачем? Нам тут тепло и сытно, – приближаясь к Жгуту, ответила пиявка.

– Но нельзя же жить без мечты! – не мог успокоиться червячок.

– А зачем нужна мечта таким, как я и ты? – спросила пиявка и уже с аппетитом посмотрела на червячка. – Еда очень часто сама падает к нам в нашу грязную лужу, а больше нам ничего и не нужно! – и стала приближаться к нему ещё быстрее.

Червячок понял, что его тут явно хотят съесть, и поспешил поскорее выбраться из грязи. Страх даже придал ему силы. Усилиями своего гибкого тельца Жгутик уже почти выбрался на травку, как вдруг раздался крик Мудреца: «Помогите!» Жгутик огляделся по сторонам и увидел муравья, запутавшегося в паутине. Кроме муравья в эту паучью ловушку угодило ещё несколько жучков и божья коровка. Все

они трепыхались в паутине, пытаясь выбраться, но усилия их были напрасны. Паутина держала их очень крепко. И самое страшное, что с противоположной стороны паутины к ним приближался огромный чёрный паук, всеми своими четырьмя глазами с аппетитом смотрящий на них.

– Я спасу вас! – крикнул Жгутик Мудрецу и быстро выбрался из грязи.

– Зачем тебе их спасать? – закричала пиявка, видя, что её еда безвозвратно от неё уплывает. – Зачем так рисковать своей жизнью ради других? – бормотала она.

– Нет! Мудрец был единственным, кто пытался наставить меня на верный путь! Он мой друг! Я не могу его бросить в беде! Прощайте! – Жгутик пополз к паутине.

Червячок старался ползти очень быстро. Он усилиями всего своего маленького тельца вполз на камень, который был рядом с паутиной. Но камня было недостаточно, чтобы дотянуться до неё. Паутина находилась чуть выше этого камня. «Эх, если бы я мог летать, я бы с лёгкостью дотянулся до паутины и порвал её», – подумал червячок. Но крыльев у него не было. «Я обычный червячок, но я спасу друга!» – с этими словами Жгутик сжался, словно пружина, и сразу почувствовал внутри себя сильное напряжение. И, разжимаясь, полетел вверх, точно ракета. В полёте он разорвал собою паутину, и все, кто в неё попался, упали вниз на мягкую траву. Все они закричали: «Спасибо! Спасибо!» Один лишь паук был очень рассержен. «Бывало, конечно, что мне разрывали паутину крупные шмели и осы, но чтобы летающий червяк порвал её, такого не было никогда!» – ворчал паук, глядя на то, что осталось от его липкой ловушки. А Жгутик был счастлив! Он спас друзей! Внутри него кипело волшебное чувство, которое окрыляло. Он продолжал лететь над полянкой, от неожиданного счастья ему хотелось, чтобы полёт длился вечно. Как вдруг он почувствовал, что начал снижаться. Червячок смог удачно приземлиться на большой и мягкий лист лопуха.

– Жгутик, ты всё-таки смог взлететь! – восторженно закричал подбежавший к нему Мудрец.

– Только как это у меня вышло? Я же так и не смог стать бабочкой?! – задумчиво спросил червячок.

– Мой дорогой друг, не обязательно быть бабочкой, чтобы летать! Нас окрыляют не крылья, а добрые поступки! – ответил Мудрец.

И с тех самых пор наш герой Жгутик чувствовал себя настоящим крылатым червячком! Для осуществления мечты совсем не нужно становиться кем-то другим. Мечту можно исполнить, оставаясь самим собой!

Тимур КЕРИМОВ (г. Ярославль, 17 лет)

Дед Мороз

Я сидел у открытого учебника по геометрии и пытался вбить в себя очередную теорему. Моя голова отказывалась что-либо воспринимать, тем более такую скукоптицу. Да к тому же в соседней комнате шумел телевизор, и я постоянно отвлекался на высказывания каких-то там потерпевших из какого-то там города. Я лениво зевал, задумывался о чём-то и постоянно ругал себя за то, что никак не могу сконцентрироваться на уроках, а ведь завтра должна была быть контрольная по всем темам, которые мы изучили за полгода...

Рядом сидел мой младший брат Егор. Он что-то писал на

листке, крепко держа карандаш пухлыми пальцами, зачёркивал, переписывал снова и постоянно спрашивал что-то у меня.

– А Дед Мороз точно успеет принести подарок? – взволнованно спрашивал он.

– Конечно.

– Точно?

– Да, да, точно.

Затем, немного подумав, он спрашивал снова.

– А как он так быстро всё успеет? Детей же так много...

– Ну... он же волшебник.
 – Ничего себе! Я бы так не смог... – задумчиво сказал он. – А ты?
 – Нет. Не мешай мне, пожалуйста.
 – Не смог бы, конечно! Ты же не волшебник, ха-ха! Ты делаешь уроки? А я уже сделал, – гордо усмехнулся Егор.
 – Ну, у меня их много. Ты-то с мамой сделал, а я...
 – Так тебе сто-о-лько лет! Ха-ха, ты всегда ничего не успеваешь, – иронично произнёс он.

Я чувствовал, что он подтрунивает надо мной. Егор молчал и улыбался, упиваясь своей победой.

– Всё, хватит, не мешай мне! – бросил я ему и снова погрузился в эту проклятую геометрию.

Егор опять начал что-то стал писать, зачёркивать, а затем, видимо, разозлившись, что у него не получается, стал рвать листок, шурша им и поворачивая с разных сторон. Потом он искал что-то по всей комнате, рылся в ящиках и даже двигал мои коллекционные фигурки на полках! От этого зрелища у меня замирало дыхание, поэтому я решил просто не смотреть в его сторону.

– А где у нас карандаши? Такие они, ну такие, разноцветные? – спросил Егор, переставляя очередную фигурку.

Я уже с трудом сдерживался.

– Не знаю! – нервно ответил я. – Не трогай мою коллекцию.

– Но мне нужно их найти.

– Убери. Оттуда. Руки, – прошипел я.

Егор послушно отошёл и продолжил искать, но уже в другом месте. В какой-то момент он остановился и вопросительно посмотрел на меня своими светло-голубыми глазами. Я сидел и чувствовал его взгляд на себе, но не поворачивал головы. Через несколько секунд меня это уже начало раздражать и я резко повернулся.

– Ну! Что тебе опять?

– А как Дед Мороз покупает подарки? Ведь продавцы, наверно, удивились бы, если бы его такого прямо... живого увидели. По телеку бы показали.

– Я не знаю! Может... Снегурочка покупает, – отвечал я, до сих пор надеясь что-то выучить.

– Но ведь Снегурочку тоже узнают. И тогда...

Я не выдержал. Резким движением тела я вскочил со стула и уставился на брата.

– Слушай! Мне нужно сделать уроки!

– Ладно. Но скажи.

– Ты уже надоел! Хватит. Он... он вообще не покупает подарки.

– Как... а точно, может, кто-то ему покупает?

– Нет!

– А кто тогда? А как?

– Никто. Никак. Хватит.

– А может, эльфы?

– Нет.

– А! Он дяденек просит. Но дяденьки бы тоже рассказали бы всем. А вдруг они хранят секрет? Ну, скажи, как?

– Знаешь что? – злобно ухмыльнулся я, стиснув зубы. Наконец до меня дошло, как отделаться от глупых вопросов брата. – Деда Мороза нет! Нету его. Понял? Он не покупает и не приносит никому подарки! Всё!

Егор посмотрел на меня испуганными глазами и быстро заморгал. Затем опустил взгляд вниз и прошептал: «Как нет...» Простояв так несколько секунд, он медленно ушёл из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

«Родакам жаловаться пошёл», – я сбросил учебники в рюкзак, понимая, что учить что-то уже бесполезно и лёг спать.

Учебный день тянулся медленно, с кучей плохих оценок и пустых разговоров. Контрольную я провалил, но смог договориться, что перепишу её на следующий день. На одной из перемен от нечего делать мы заговорили о Боге. Оказалось, никто из нашей компании в него не верит. Да и вообще я всегда поражался, как можно что-то принимать на чистую веру, не сомневаясь. Все эти заповеди, запреты и прочее – это же всё создано, чтобы управлять людьми... Всегда нужно полагаться только на себя. Никакой Бог ничего за тебя делать не станет, хоть верь в него сколько тебе вздумается. На последних уроках я уже перестал напрягаться и в основном просто смотрел за школьное окно. Медленно падал снег, и на улице становилось так ярко, что невозможно было смотреть туда, не щурясь. Приближался Новый год, дети такого возраста, как Егор, ждали праздничного веселья, каких-то чудес, а мы, девятиклассники, ничего особо-то и не ждали. Разве что новый плейстейшн или побольше денег в качестве подарка.

Я пришёл домой, наскоро скинул с себя школьную форму и лёг на кровать, чтобы немного отдохнуть после ещё одного нервного и бессмысленного школьного дня. Прележав так часа два и посмотрев пару смешных видео, я собрался делать уроки с твёрдой уверенностью, что сегодня нормально подготовлюсь и всё-таки смогу исправить оценку за контрольную.

Я сел за стол и увидел маленький листочек, на котором корявыми почерком было что-то написано. Я пригляделся.

«Дорогая Снегурочка! Мой брат сказал что дедушки Мороза не существует мама с папой говорят что это неправда и он есть но я очень своему брату верю и вдруг дедушки Мороза все-таки нет. А вдруг тебя нет но я верю что ты есть! Верю в тебя Снегурочка я пришлю тебе то что написал дедушке морозу привези мне это пожалуйста. Я надеюсь и верю в то что ты есть всем сердцем».

Я прочитал это письмо несколько раз и долго держал его в руке. Обернулся и посмотрел в зеркало. Передо мной стоял высокий подросток, почти юноша и держал в руке маленький листочек. Когда-то он был совсем маленьким и также писал письма Деду Морозу, веря, что тот обязательно их прочтает и подарит ему всё, что он захочет. Он долго не засыпал в новогоднюю ночь и всё время бегал под ёлку, быстро переставляя маленькие ножки, надеялся на то, что Дед Мороз уже принёс подарки, и визжал от радости, когда находил их. Выбегал на улицу в надежде на то, что Дед Мороз ещё не успел уехать и что он его увидит собственными глазами. Но Деда Мороза всякий раз он не встречал. Но верил, искренне верил, что когда-нибудь встретит...

Я вытер мокрые глаза и обернулся: передо мной стоял Егор. Оказывается, он зашёл в комнату, но я его не заметил. Он осторожно подошёл ко мне.

– Тебе не надо делать уроки сейчас? – тихо спросил Егор.

– Нет, не надо.

– Тогда скажи, – Егор посмотрел на меня своими наивными голубыми глазами. – Ведь Дедушки Мороза нет... а ведь... Снегурочка, она есть?

– Конечно, есть, – я сел на корточки и обнял маленькое хрупкое тело брата. – Конечно, есть. И Снегурочка есть, и эльфы есть, и феи и... Дедушка Мороз есть. Я просто вчера пошутил...

Глеб ГРЕШНЕВ (г. Гаврилов-Ям, Ярославская область, 12 лет)

Счастье

Я открыл глаза и увидел, что на краю моей кровати сидело Счастье. Белое, пушистое Счастье, похожее на одуванчик, тихо бубнило себе под нос какую-то мелодию и качало ножками.

– Ты ко мне? – спросил я хриплым спросонья голосом.

Счастье посмотрело на меня ясными голубыми глазами и ответило:

– Да. Извини, что так долго до тебя добиралось. По пути мне повстречалась пара человек – пришлось задержаться.

«Прости, что так долго! Задержалось!» – мысленно передразнил я Счастье. Задержалось, когда мне оно было так нужно! И я вспомнил все свои страдания, которые обрушились на меня в последний месяц: получил двойку за диктант, поссорился с Ваней из-за старой компьютерной игры, пропустил соревнования, потому что заболел...

– Но я ведь так долго ждал тебя! – сказал я с укором.

При этих словах одна пушинка, словно зонтик одуванчика, оторвалась от Счастья и взмыла вверх. Я проводил её глазами, а когда снова взглянул на Счастье, то увидел, что оно стало серого цвета и походило больше на ёжика с маленькими колючками.

– Но я не могло пройти мимо них! – грустно ответило Счастье.

– Мимо кого?

– Мимо этих людей.

– А я каждый день прохожу мимо людей, и ничего...

Но Счастье продолжало, словно и не слышало моё замечание:

– Первой мне повстречалась Лидия Михайловна, пожилая добрая женщина. Полгода назад от неизлечимой болезни умерла её единственная дочь. И трёхлетний внук Лидии Михайловны Митя остался сиротой. Она взяла жить его к себе. Но маленький Митя постоянно тосковал о маме и плакал. Женщина не знала, как его успокоить, поэтому плакала вместе с ним. Так они наплакали целое Море Слёз.

– И как же ты им помогло?

– Пришлось его высушить.

– Что? Море?

– Угу!

– А что стало с ними?

– С кем? — хитро улыбнулось Счастье, видя, что я заинтересовался этой историей.

– С обитателями Моря Слёз, конечно. Раз есть море – значит, там есть и обитатели. Вот в Чёрном море, я знаю, живут дельфины, медузы, а однажды в Анапе мне повстречался маленький скат.

– В Море Слёз жили жалостливые медузы.

– Жалостливые, потому что больно жалят?

– Нет, от слова «жалость». Когда они присасываются к человеку, он начинает себя жалеть, жалеть и жалеть, и времени на жизнь у него совсем не остаётся.

– А когда ты высушило море, и медузы исчезли, бабушка с внуком стали счастливыми?

– Нет, плакать они перестали, но в их душе осталась большая пустота, которую заполнить было нечем.

– Ну, вот, я не хочу слушать такие грустные истории, – обиделся я ещё сильнее, – глупое ты!

Счастье вдруг ошетинилось, распутив свои колючки, а голубые глаза превратились в тёмно-синие. Мне почему-то стало стыдно за свои слова, и я робко сказал:

– Извини. Продолжай. У кого ты ещё задержалось?

– А потом мне повстречался рыжий котёнок, которого бросили хозяева.

– А разве можно кошек бросать? Бросить можно мяч, камень в лужу, а кошку-то ведь не бросишь.

– Они выгнали его на улицу, – пояснило Счастье.

– За что?

– Потому что он был некрасивый и хромой. Одна его задняя лапка от рождения была чуть короче, чем другие. И он неуклюже ходил, постоянно заваливался набок и спотыкался. Это им не нравилось.

Как ни пытался я представить себе некрасивого рыжего котёнка, хромого и уродливого, у меня ничего не получалось. А выходило всё наоборот: милый рыжий непоседа моет лапкой свою мордочку или лежит на диване, свернувшись клубочком, и монотонно мурлыкает. Мне стало его жалко...

– Мне тоже его стало жаль, – сказала Счастье, как будто прочитало мои мысли. – Пришла осень, наступили холода, и на улице маленькому котёнку выжить было очень трудно.

– И что же ты сделал? – спросил я, стараясь не выдать своего нетерпения узнать, чем же кончилась эта история.

– Я превратилось в кленовый листок и закружилось на ветру. Котёнок подумал, что это маленькая мышка, и стал меня догонять.

– При чём тут листок и мышка! – крикнул я от возмущения. – Неужели от этого котёнок станет счастливым?

– Ты прав, от этого счастливым он не стал. Но всё же развеселился, играя и гоняясь за мной по всему двору. Он скакал на трёх лапках, кувыркался через голову и подпрыгивал вверх. Выглядело это очень забавно. И маленький Митя, увидев котёнка, впервые за полгода улыбнулся.

– Митя – тот самый внук Лидии Михайловны?

– Да, тот самый. А Лидия Михайловна решила взять котёнка себе домой, чтобы вместе с Митей о нём заботиться.

– Здорово! Ну теперь-то они стали счастливыми?

– Теперь стали, ведь котёнок заполнил в душах бабушки и мальчика пустоту, которая образовалась после смерти мамы Мити, а они подарили ему новый дом.

– Так получается, что они сами себя сделали счастливыми и ты тут ни при чём?

– Наверное! – и Счастье снова стало качать ножками и мурлыкать под нос какую-то мелодию.

Я лежал и представлял себе, как Лидия Михайловна читает внуку книжку, а Митя гладит котёнка, который спит, мило растянувшись у него на коленях. В окно их дома светит солнышко, а на душе становится тепло и радостно.

Мои мысли прервало Счастье:

– А что ты хочешь? Что мне сделать для тебя?

Что я хочу? Мои родители, к счастью, живы и здоровы, кот Васька вот уже третий год радуется моими кошачьими лапками.

чьими выходками и играми. Двойку за диктант я уже исправил. Что же такое попросить?.. И тут я догадался! А ведь счастье не в том, чтобы желать его только себе, а в том, чтобы делиться им с другими. Как это сделали бабушка с внуком, подарив дом рыжему непоседе. Как это сделал котёнок, заполнив своей любовью и преданностью сердца горевавших людей.

Я привстал и посмотрел на Счастье. Оно вновь было похоже на одуванчик: белое, пушистое, состоящее из маленьких зонтиков-парашютиков. Вот сейчас дуну на них – и они

разлетятся в разные стороны. Один в комнату мамы и папы, чтобы они больше никогда не ссорились. Другой – к брату, ведь у него скоро экзамены. Третий – к соседям, у которых каждую ночь почему-то плачет новорождённая дочка. Ещё один парашютик пусть летит к Ване, моему другу. Мы недавно поссорились с ним из-за игры, которую он просил ему подарить. Я больше не буду жадным и обязательно её подарю своему лучшему другу. Я поделюсь своим счастьем с ним и со всеми – со всеми. Я знаю, так надо, так правильно. И я со всей силы дунул...

Победитель конкурса в номинации «Память о Великой Отечественной войне»

Екатерина ТУЛЕНКОВА (г. Мценск)

Путешествие в историю

Стоял тёплый майский день. Всё цвело. Природа полностью проснулась после зимы. Мы с классом пошли на экскурсию по городу. Одним из мест посещения был сквер «Вечный огонь». В нём на Аллее Героев установлены бюсты Героев Советского Союза, уроженцев Мценского района. Проходя вдоль неё, я думала о том, что земляки боролись и многие отдали свои жизни за нас. Про каждого из героев Лариса Петровна, наш классный руководитель, сообщала краткую информацию. Мы подошли к бюсту Кочергина Егора Петровича. В этот момент я отчётливо вспомнила, как ездила к прабабушке Вале в деревню Подберёзово, а у неё в зале на стене висела фотография, на которой были изображены мужчина и женщина. Оказалось, что это её папа и мама, мне они приходится прапрадедушкой и прапрабабушкой. Звали их Егор Петрович и Ксения Ивановна Кочергины. Мои мысли прервал голос учительницы.

– Что-то случилось, Катя? – спросила Лариса Петровна участливо.

– Нет, просто вспоминала рассказ прабабушки про Егора Петровича, – спокойно ответила я.

В этот момент взгляды всех одноклассников были обращены ко мне.

– И что же она тебе интересного рассказывала? – спросила учительница.

Я ничуть не сомневалась, что смогу рассказать то, что знаю.

– Кочергин Егор Петрович родился в 1916 году в деревне Подберёзово. Так считали все, но настоящий год его рождения – 1917-й. Один год он себе приписал, чтобы раньше пойти в армию. После окончания семи классов работал трактористом в колхозе. В Великой Отечественной войне участвовал с самого первого дня...

И тут меня прервала учительница.

– Тогда, раз ты его родственница, познакомь нас с твоим героическим прапрадедом и его семьёй. Думаю, всем будет интересно узнать, – сказала она.

– Хорошо, я постараюсь узнать побольше и обо всём сообщить, – ответила я.

На следующий день попросила маму рассказать мне историю семьи Кочергиных. Всё услышанное записала в тетрадь. Потом по её совету позвонила бабушке Андрею в

Севастополь, и он тоже вспомнил много интересного о нашем предке. По телефону я пообщалась и со своей двоюродной бабушкой Галей, живущей с прабабушкой в деревне. Все истории и факты записывала в тетрадь. Также вместе с мамой мы заглянули на сайты «Подвиг народа» и «Память народа», в «Википедию», где нашли тоже новые интересные сведения. Чтобы лучше представить всех многочисленных родственников, мама предложила составить генеалогическое древо, и мы постарались вспомнить и записать всех своих родственников. Пока это удалось сделать не полностью.

Вот и настал день, когда я должна была рассказать о нашей семье. Прозвенел звонок, и учительница Лариса Петровна, входя в класс, сказала:

– Сегодня на уроке мы будем слушать историю семьи Кочергина Егора Петровича, Героя Советского Союза. Пожалуйста, Катя, – обратилась она ко мне.

Я смело вышла к доске и стала читать свои записи из тетради.

– Егор Петрович был хорошим человеком, трудолюбивым, как говорили: «первый парень на деревне». В семье их было трое братьев, «три мушкетёра», которые помогали отцу в хозяйстве и в работе. Жили в достатке, у них была крепкая крестьянская семья. Он успел до войны жениться, и у него родилась дочь. В 1937 году был призван Мценским РВК в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Егор Петрович принимал участие в советско-финской войне 1939-1940 гг. в составе артиллерийского полка. От бабушки я узнала, что Ксения Ивановна, жена Егора Петровича, ездила к нему в Карелию после войны, а дочь Валя, совсем ещё маленькая девочка – моя прабабушка, оставалась с родственниками, хотя ей тоже хотелось поехать.

Когда началась Великая Отечественная война, мой прапрадед, тогда ещё старший сержант, продолжал служить в Карелии, на границе с Финляндией, в 285-м артиллерийском полку 122-й стрелковой дивизии и уже с первых дней участвовал в боях, показав себя отличным артиллеристом, способным заменить любого бойца в артиллерийском расчёте, а также смелым и бесстрашным воином. 6 и 7 июля 1941 года немцы перешли в наступление, и под непрерывным огнём противника Егор Кочергин, секретарь комсомольского бюро полка, переходя от орудия к орудью, подавал личный пример артиллеристам. Благодаря этому «батарея ни на одну минуту не прекращала огня по фашистам, враг «понёс

большие потери и не смог добиться своей цели» – прорваться через реку Кулла-Йоки. За эти бои он был представлен к награде – ордену Красного Знамени, который получил в начале 1942 года.

Позднее продолжил службу в 111-м гвардейском арtpолку 40-й армии на Воронежском фронте. «Весной 1942 года политрук Кочергин стал комиссаром дивизиона и по-прежнему основное время проводил на переднем крае, в гуще бойцов». Воевал на Дону и под Воронежем. Долгое время он ничего не знал о своей семье, потому что Орловщина была оккупирована немцами.

Мама мне рассказала, что зимой 1941–1942 гг. фашисты выселили жителей деревни Подберёзово, в том числе и мою прапрабабушку Ксению, и погнали в сторону города Болхова. Находясь в оккупации, Ксения Ивановна родила сына. После освобождения города Мценска от фашистов 20 июля 1943 года Егор Петрович искал свою семью через газету. К сожалению, на его запрос никто не откликнулся, и он так и не узнал, что семья жива и у него родился сын. Эту газету видела соседка Ксении Ивановны, но не сказала ей об этом.

Прапрадед летом 1943 года принимал участие в Курской битве. Далее его полк был переброшен на Украину, где Кочергин отличился при освобождении Сумской и Полтавской областей.

Когда в конце августа 1943 года к западу от Ахтырки три немецкие дивизии начали наступление, полк Кочергина оказался в окружении у села Веприк Гадячского района Полтавской области. 27-28 августа гвардии капитан Кочергин, организовав круговую оборону дивизиона, активно участвовал в отражении контратак противника. В критический момент боя он поднял артиллеристов в атаку, отбросив противника, сохранив тем самым важную переправу через реку Псёл. Прорывая немецкое окружение, Егор Петрович погиб. Первоначально был похоронен в Веприке, позднее перезахоронен в Гадяче.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1943 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм» гвардии капитан Егор Кочергин посмертно был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Был награждён орденом Ленина, медалью «Золотая звезда» и навечно зачислен в списки личного состава воинской части.

Призёр конкурса в номинации «Память о Великой Отечественной войне»

Ольга РОКОТЯНСКАЯ (Волгоградская область)

Конвейер смерти

Посвящается узникам фашистских концлагерей

Клеймённый, измождённый, подобный скелету солдат слегка поднял голову и приоткрыл глаза. Он не понимал, забытьё это или сон, жизнь или смерть. Впрочем, разницы не было. Важно одно: что будет дальше...

Предисловие

В период военных действий никто не мог допустить мысли о том, что скоро окажется в фашистском плену. Думали обо всём: остаться в живых, избежать ранения или умереть при исполнении долга. Но попасть в плен? Конечно, нет... Это могло случиться с кем угодно, но только не со мной. Однако судьба распорядилась иначе.

После того как пришла похоронка на Егора Петровича, соседка призналась его жене, что видела газету, в которой было его сообщение о поиске семьи, но не стала говорить из-за зависти, потому что её муж погиб.

В классе стояла необычная тишина.

Я продолжила:

– После гибели Егора Петровича семье помогала Елена Константиновна, его мама. А ещё к прапрабабушке Ксении сватались многие, она всем отвечала: «У меня есть муж, хоть он и на небесах, но единственный». Также мне рассказали, что когда всех жителей выселяли из деревни, Ксения Ивановна закопала на своём участке документы и вещи. После возвращения домой они, перерыв весь участок, ничего не нашли. Сейчас невозможно представить, насколько трудно было прапрабабушке Ксении одной с двумя маленькими детьми после войны. Она долго проработала в колхозе, была передовиком. Я часто вспоминаю рассказы родных, горжусь подвигом своего прапрадеда и силой духа прапрабабушки!

В память о Герое Советского Союза установлены бюсты во Мценске и на его родине, в деревне Подберёзово, его именем названы улицы во Мценске и селе Веприк, где он погиб, а также Гадячская специализированная школа-интернат. После войны Ксения Ивановна и Валя побывали на месте гибели Егора Петровича.

Завершив выступление, я посмотрела на класс. Все сидели молча, у кого-то глаза блестели от слёз.

– Это очень интересная история. Спасибо! – поблагодарила меня учительница.

Сев на место, я подумала, что не зря мой прапрадед воевал за Родину и спасал от фашистских захватчиков страну. Мы все благодарны ему за это! Ежегодно 9 мая, приходя в сквер «Вечный огонь», подходим к его бюсту, приносим цветы и вспоминаем о подвигах наших солдат.

Давно выросли дети Егора Петровича – дочь Валя и сын Юра, который погиб в семидесятые годы, но у него остались потомки: двое детей, два внука и одна правнучка. У дочери Валентины тоже двое детей, восемь внуков и одиннадцать правнуков. Семья героя всё увеличивается и разрастается, словно старый могучий кряжистый дуб. И все мы, его потомки, помним и гордимся своим героическим прапрадедом. Нам ещё не всё известно из биографии героя и его семьи, и поэтому продолжаем поиск.

Удушливо-знойное лето. 1942 год. Концлагерь Шталаг IV-B. Ранним утром слышатся лающие окрики фашистов:

– Ауфштеен! Антретен! Лос! Беверг Дих, фаулес швайн! (Встать! Строиться! Вперёд! Шевелись, ленивая свинья!)

Не успев подняться с иссохшей, устланной десятками трупов земли, я получил удар прикладом по нижней челюсти. Тупая боль растекалась по лицу, я точно пробудился от этого жуткого ощущения. В оцепенении, собирая остатки сил, вспомнив, что советскому солдату не пристало стоять на коленях перед фашистской гадиной, иду неровным, тяжёлым шагом в числе немногих, ещё живых пленных... Просто иду, подгоняемый прикладом немецкого автоматашмайсера.

Да, сейчас я дома, всё спокойно и хорошо. Однако отголоски тех страшных лет до сих пор откликаются не только в моей душе, но и в изрубленных ранах, полученных в фашистском плену. В концлагере смерть очень часто заглядывала в мои глаза. Сам не понимаю, как удалось выжить, ведь сотни боевых товарищей умерли от издевательств, голода, сыпного тифа и других изнуряющих болезней. Стоит только закрыть глаза, воспоминания невольно всплывают в моём сознании и живые картины ада повторяются вновь и вновь.

...

Товарный вагон. Невыносимая духота, запах пота и мочи. Стук ржавых колёс, как рокот, катящийся по скрипящим рельсам. Уже вторые сутки мы едем по дороге смерти в концлагерь. Не верю, но это, действительно, происходит со мной. Если бы только мог выбирать между пленом и смертью, предательством и жертвой! Не сомневаясь ни секунды, я предпочел бы умереть за Родину, но в схватке с ненавистным врагом. Мысли путаются и обрываются. Кажется, что нет страха и боли, есть пустота и бессилие.

Паровозный гудок. Свист тормозов. Внезапное пробуждение от криков и предупреждающих выстрелов. Сквозь решётчатые окна мне удалось разглядеть высеченную надпись «M. STAMMLAGER IV-B», железный забор, над которым зигзагом протянулась длинная колючая проволока. Два дюжих немца с хмурыми щетинистыми лицами выгоняют пленных из вагона, пиная, толкая и громко крича какие-то резкие, режущие слух слова-выстрелы. Однако вагон не опустел, не всем удалось выйти. Точно спящие, на голом полу лежат мёртвые солдаты, не выдержав голода и издевательств в пути. Всех прибывших загоняют в лагерьный барак. Несколько раненых артиллеристов, танкист с обожжённым лицом, шесть пехотинцев и я, рядовой стрелкового полка, сидим на сыром земляном полу. Истощённые солдаты, корчась от боли, умоляющим взглядом взывают к Богу. О чём они просят Всевышнего? О спасении близких, об избавлении от мук и смерти?

Шталаг IV-B – огромное скопление полумёртвых узников. Ужасное зрелище. Забор, к которому нельзя подходить ближе трёх метров. Автоматная очередь прошивает насквозь каждого, кто пытается приблизиться хоть на один шаг. Фашист – страшный зверь, у которого нет жалости и милосердия, свирепый враг, ведомый шовинистской идеей. Порождением зла в лагере стал сыпной тиф, который косит жизни невинных так же безжалостно и слепо, как и эсэсовец.

...

1665. Теперь для меня это не просто четыре цифры. Проклятый номер, высеченный грязным использованным лезвием на руке. Фотография в анфас и профиль. Отпечатки пальцев. Одна из тысяч заполненных карточек узника нацистского концентрационного лагеря.

...

Жизнь... Биологическая, духовная, лагерная. Пища, вода, молитва дают человеку силы прожить новый день. 150 граммов отвратительного зелёного хлеба с древесными опилками, солёная вода с картофельными очистками, полусгнившая квашеная морковь, испускающая зловоние, и благодарность Господу за возможность бороться и верить. Да, именно вера спасает от отчаяния и помешательства. Страшное зрелище: узники, потерявшие от голода рассудок, становятся палачами для полумёртвых товарищей. Фашисты, узнав о каннибализме, расстреливают всех причастных.

...

Тех немногих, кто уцелел в битве на выживание, бесчужденных и отчаявшихся рабов, гонят во вражеский тыл. Изнемогая от пышущих солнечными лучами, я на пару шагов отстал от колонны. В эту же секунду что-то с треском хлыстнуло меня по макушке. Лучше бы это был солнечный удар, чем грубые руки кровожадного эсэсовца. Конечно, во мне тут же проснулось невыразимое желание: я хотел вырваться из колонны и ударить фашиста в ответ. Однако понимал: неминуемая смерть грозит не только мне, но и боевым товарищам. Позади колонны постоянно слышатся автоматные очереди. Добивают еле живых, отставших.

...

Остановились. Тут же нам кидают охапку ржавых лопат и заставляют рыть яму. Братскую могилу для убитых советских солдат. Их сбрасывают в глубокую яму под хриплый хохот эсэсовцев. Видя это, каждый из нас задумывается о том, что скоро окажется там, на дне могилы, в числе безымянных жертв.

...

Бесконечные построения на солнцепёке, подсчёты, злые окрики эсэсовцев, порки до потери пульса, бесчисленное количество вшей и невыносимый голод. Униженные узники еле передвигаются по территории лагеря, лица разбиты от побоев. Жестокое прикладом – символ превосходства прогнившей души над ещё живым скелетом, обтянутым тонкой иссиня-бледной кожей.

...

Я засыпаю. Снится еда: мамин борщ, ароматный хлеб и ватрушки. Да когда всё это кончится? Все время сверлит мозг одна мысль – вот бы сбежать! Наивно. Ведь это практически невозможно: кругом вооружённые эсэсовцы, остервенелый лай и скрежет зубов собак. Однако я понимаю, что впереди меня ждёт мучительная смерть, о которой, скорее всего, никогда не узнают родные. Им скажут просто: пропал без вести.

Интересно... Как там дома? Как там моя семья? И слава Богу, что они не знают, где я. А может... Нет, каждому уготован свой путь. Пусть верят, что я сражаюсь на фронте, конечно, я бью врага под Москвой и в Сталинграде... И если ещё не пришла похоронка, то я вернусь! Живой. Ведь узнать, что родной человек находится в плену – это тяжёлое физическое и моральное потрясение. А как на Родине к этому отнесутся власти? Десять лет лагерей и клеймо «враг народа».

...

Страшные воспоминания! И сколько их – не высказать. Мирная жизнь и душевный покой как награда за стойкость духа и верность Родине удалось обрести не каждому из нас. Нас, не предавших Родину ни в бою, ни в плену. Нас, переживших всё: и унижение, и заключение. Нас, обязанных оставить после себя правду во имя будущего, во имя справедливости, во имя мира.

Документальная справка:

Мой прадедусь Семидотченко Никита Прокофьевич прожил в фашистском плену, концлагере Шталаг IV-B, 728 мучительных дней и ночей. К сожалению, мне не удалось услышать его историю из первых уст. Он совсем немного не дожил до освобождения. Прадеда захоронили в Ликвице 11 августа 1944 года. Я уверена, что он до последнего был стойким и мужественным солдатом Советской армии и может по праву считаться героем.

Дорога к подвигу

В Колпнянском районе завершён капитальный ремонт автомобильной дороги, ведущей к мемориалу «Девичья пушка» в д. Кутузово Тимирязевского сельского поселения. Он установлен в честь единственного в годы Великой Отечественной войны женского артиллерийского расчёта.

В канун очередной годовщины освобождения Орловщины от немецко-фашистских захватчиков в районном Доме культуры п. Колпна состоялась презентация одноимённого кинофильма режиссёра Игоря Свеженцева, после просмотра которого появилось много желающих со всех уголков России посетить то место, где происходили события, показанные в фильме.

Впервые историю женского орудийного расчёта в 1980-х годах рассказал в своей повести "Здесь оглохла зима от обстрела" орловский журналист и писатель Геннадий Майоров. В 1986 году автор исследований организовал встречу двух чудом оставшихся в живых женщин-артиллеристок на этой земле. Мария Семёновна Труфанова из Тамбовской области и Анна Назаровна Ноздрина (Сертакова) с Сахалина не увиделись 43 года, им было о чём поговорить-повспоминать.

А в 2021 году родилась идея воссоздать беспримерный

подвиг на экране. Документальный кинорассказ никого не оставил равнодушным.

К мемориалу обустроена небольшая пешеходная дорожка. Сделана асфальтированная стоянка для автомобилей.

Общая стоимость проведённых работ составила около 24 миллиона 153 тысяч рублей.

Марина КАРЛОВА

